

Заседание дискуссионного клуба «Валдай»

Владимир Путин принял участие в пленарной сессии XXII ежегодного заседания Международного дискуссионного клуба «Валдай».

2 октября 2025 года 22:10 Сочи

Тема заседания в этом году – «Полицентричный мир: инструкция по применению».

Модератор пленарной сессии – директор по научной работе Фонда развития и поддержки Международного дискуссионного клуба «Валдай» Фёдор Лукьянов.

* * *

Ф.Лукьянов: Уважаемые дамы и господа! Дорогие друзья! Гости клуба «Валдай»!

Начинаем пленарное заседание XXII ежегодного форума Международного дискуссионного клуба «Валдай». Для меня большая честь пригласить на эту сцену Президента Российской Федерации Владимира Владимировича Путина.

Владимир Владимирович, огромное спасибо, что Вы снова нашли время к нам прийти. Валдайский клуб имеет невероятное преимущество, привилегию на протяжении уже 23 лет встречаться с Вами, обсуждать наиболее насущные проблемы. Наверное, никто не может этим похвастаться, рискну предположить я.

XXII заседание Валдайского клуба, которое проходило в предшествующие три дня, имело титул, название «Полицентричный мир: инструкция по применению». Мы пытаемся от осмысления, описания этого самого нового мира перейти к какой-то прикладной части, то есть пониманию, как в нём жить, поскольку пока не очень понятно.

Но мы, скажем так, может быть, продвинутые, но только пользователи этого мира. А Вы как минимум механик, а может быть, даже инженер этого самого полицентричного мира, поэтому мы очень ждём от Вас некоторых инструкций по применению.

В.Путин: Инструкции вряд ли я смогу сформулировать, да и в этом нет цели, потому что все инструкции, советы спрашивают, дают только для того, чтобы потом им не следовать. Эта формула хорошо известна.

Позволю себе высказать ***своё мнение по поводу того, что происходит в мире, где здесь и какова роль нашей страны и как мы видим перспективы развития.***

Международный дискуссионный клуб «Валдай» действительно собрался уже в 22-й раз, и такие встречи не просто стали хорошей, доброй традицией. Дискуссии на валдайских площадках дают возможность непредвзято и всесторонне оценить ситуацию во всём мире, что называется, зафиксировать изменения, осмыслить их.

Безусловно, особенность, сильная сторона Валдайского клуба – это стремление и способность его участников заглянуть за пределы банального, всем нам очевидного. Не следовать повестке, которую нам навязывает глобальное информационное пространство – тем более что здесь интернет вносит свою лепту, хорошую, плохую, но сложную для понимания иногда, – а попытаться поставить свои, оригинальные вопросы, своё видение процессов, приоткрыть завесу, которая скрывает завтрашний день. Это непросто, но бывает, что и получается, в том числе и на Валдайском площадке у нас с вами.

Но мы уже не раз отмечали, что живём в такое время, когда всё меняется – и меняется очень быстро, я бы сказал, кардинально меняется. Никому из нас не дано, конечно, в полной мере предвидеть будущее. Однако это не освобождает от обязанности быть готовыми ко всему, что может произойти. Практически, как показывает и время, и последние события, готовыми нужно быть к чему угодно. Ответственность каждого в такие периоды истории особенно велика за свою собственную судьбу, за судьбу страны и всего мира. И ставки чрезвычайно высоки.

Ежегодный доклад Валдайского клуба посвящён, как только что было сказано, на сей раз **проблеме многополярного, полицентричного мира**. Эта тема давно на повестке дня, но сейчас она достойна особого внимания – согласен с организаторами. Уже по факту сложившаяся многополярность определяет те рамки, в которых действуют государства. Попробую ответить на вопрос, **в чём особенности сегодняшней ситуации**.

Во-первых, это намного более открытое, можно даже сказать, творческое пространство внешнеполитического поведения. Практически нет ничего заранее предопределённого, всё может пойти по-разному. Многое зависит от точности, выверенности, степени выдержанности, продуманности действий каждого участника международного общения. Причём на этом обширном пространстве, конечно, легко заблудиться, потерять ориентиры, что, как мы видим, довольно часто и происходит.

Во-вторых, пространство многополярности очень динамично. Перемены происходят быстро, как я уже сказал, и порой внезапно, просто в одночасье. К ним, конечно, очень трудно подготовиться и их порой невозможно предугадать. Реагировать приходится моментально, что называется, в режиме реального времени.

В-третьих, что важно, это пространство гораздо более демократично. Оно открывает возможности и дорогу большому числу политических и экономических игроков. Пожалуй, никогда на мировой арене не

было такого количества стран, влияющих или стремящихся влиять на важнейшие региональные и глобальные процессы.

Далее. Бóльшую роль, чем когда-либо, играет культурно-историческая, цивилизационная специфика разных стран. Надо искать точки соприкосновения и совпадения интересов. Никто уже не готов играть по правилам, заданным кем-то одним и где-то далеко, как у нас один очень известный шансонье пел: «там, за туманами», – или там, за океанами.

В этой связи **пятое – любые решения возможны только на основе договорённостей, которые устраивают все заинтересованные стороны или подавляющее большинство. Иначе никакого жизнеспособного решения не будет вовсе, а лишь громкие фразы будут и бесплодная игра амбиций. Таким образом, для достижения результата нужна гармония, баланс.**

И наконец, **возможности и опасности многополярного мира неотделимы друг от друга. Конечно, ослабление диктата, наличие которого отличало предыдущий период, расширение пространства свободы для всех – это несомненное благо. Вместе с тем в таких условиях гораздо сложнее найти и установить этот самый прочный баланс, что само по себе явный и чрезвычайный риск.**

Такая обстановка на планете, которую постарался обрисовать достаточно коротко, – явление качественно новое. Международные отношения переживают кардинальную трансформацию. Как ни парадоксально, но многополярность стала прямым следствием попыток установить и сохранить глобальную гегемонию, ответом международной системы и самой истории на навязчивое стремление выстроить всех в одну иерархию, на вершине которой находились бы страны Запада. Провал такой затеи был вопросом только времени, о чём мы, кстати, всегда говорили. И по историческим меркам это произошло, случилось довольно быстро.

35 лет назад, когда, казалось, заканчивалась конфронтация «холодной войны», мы надеялись на наступление эпохи подлинного сотрудничества. Казалось, что не осталось идеологических и других препятствий, которые мешали бы совместно решать проблемы, общие для человечества, и регулировать, разрешать неизбежные споры и конфликты на основании взаимного уважения и учёта интересов каждого.

Позволю здесь небольшое историческое отступление. Наша страна, стремясь ликвидировать основания для блоковой конфронтации, создать общее пространство безопасности, дважды заявляла даже о своей готовности вступить в НАТО. Первый раз – в 1954 году, ещё во времена СССР, это было сделано тогда. А второй раз – в ходе визита президента США Клинтона в Москву, я уже об этом говорил, в 2000 году, когда мы с ним на эту тему тоже разговаривали.

И оба раза мы фактически получили отказ, причём с порога. Повторю: мы были готовы к совместной работе, к нелинейным шагам в сфере безопасности и глобальной стабильности. Но наши западные коллеги оказались не готовы освободиться от плена геополитических и исторических стереотипов, от упрощённой, схематичной картины мира.

Тоже публично говорил, когда мы с господином Клинтоном, с Президентом Клинтоном говорили, он говорит: ты знаешь, интересно, я считаю, что это возможно. А потом вечером говорит: я со своими посоветовался – нереально, сейчас нереально. А когда реально? Всё, всё ушло.

Словом, реальный шанс на другой, позитивный вектор развития международных отношений у всех нас был. Но верх, увы, взял другой подход. Западные страны не устояли перед соблазном абсолютной власти. Соблазн серьёзный. Для того чтобы устоять от этого соблазна, нужно было иметь в голове историческую перспективу и хороший уровень подготовки, в том числе интеллектуальной подготовки, исторической подготовки. У тех, кто принимал решения тогда, видимо, такой подготовки просто не было.

Да, могущество США и их союзников в конце XX века достигло пика. Но нет и не будет силы, которая была бы в состоянии управлять миром, предписывать всем, что и как делать, как дышать. Попытки были, но они все закончились неудачей.

Вместе с тем стоит отметить, что многим так называемый либеральный мировой порядок казался приемлемым, в чём-то даже удобным. Да, иерархия ограничивает возможности тех, кто не находится на верхних этажах пирамиды, если позволите, на вершине пищевой цепочки, а обитает где-то там, у её подножья. Зато снимает с них значительную долю ответственности такое положение. Правила какие? Просто прими предлагаемые условия, встройся в систему, получи положенную тебе долю – и будь счастлив, ни о чём не думай. За тебя будут думать и решать другие.

И чего бы как ни говорили, кто бы там сейчас ни пытался прикрываться – так и было на самом деле. И эксперты, которые сидят здесь, прекрасно всё это помнят и понимают.

Одни самодовольно считали себя вправе поучать всех остальных. Другие предпочитали подыграть сильным, быть послушным объектом торговли и разменов, чтобы избежать лишних проблем и получить за это пусть маленький, но уверенно свой бонус. Их, кстати, таких политиков, и сейчас хватает в старой части света – в Европе.

Тех же, кто возражал, пытался отстаивать свои интересы, права, взгляды, считали в лучшем случае, так скажем аккуратненько, чудаками, намекали: всё равно ничего не получится у вас – лучше смириться, признайте, что против нашей силы вы ничто, пустое место. Ну а совсем строптивых самопровозглашённые мировые гранды «воспитывали», уже ничего не стесняясь и тем самым давали всем понять, что сопротивление бесполезно.

Ни к чему хорошему это не привело. Ни одна из мировых проблем не была решена – зато постоянно добавляются всё новые и новые. Институты глобального управления, созданные в прежнюю эпоху, либо не работают совсем, либо в значительной мере утратили свою эффективность – либо так, либо так. И какой бы потенциал ни накопила отдельная страна или группа стран, у всякой мощи всё-таки есть пределы.

Российская сторона, аудитория знает, есть такое в народе у нас выражение «против лома нет приёма, кроме другого лома». А он всегда появляется, понимаете? В этом суть происходящих событий в мире всегда: он всегда появляется. К тому же попытка контролировать всё и вся вокруг создаёт перенапряжение, а оно бьёт по внутренней стабильности, вызывая у граждан стран, которые пытаются играть эту роль «грандов», законные вопросы: а зачем нам всё это надо?

Какое-то время назад мне приходилось слышать что-то подобное от наших американских коллег, которые говорили: мы приобрели мир, но потеряли саму Америку. Хочется задать вопрос: а это того стоило? и приобрели ли вообще?

В обществах ведущих западных европейских государств созрело и усиливается явное отторжение непомерных амбиций политической верхушки этих стран. Барометр общественного мнения показывает это повсеместно. Истеблишмент не хочет уступать власть, идёт на прямой обман своих же граждан, нагнетает ситуацию на внешнем контуре, идёт на любые ухищрения внутри своих стран – всё чаще на грани, а то и за гранью закона.

Но бесконечно превращать демократические и избирательные процедуры в фарс, манипулировать волей народов не получится. Как это в Румынии, скажем было – не будем вдаваться в детали. Во многих странах это происходит, в некоторых странах пытаются запретить своих политических оппонентов, которые уже приобретают большую легитимность и большее доверие избирателей – запретить. Мы знаем это, проходили в Советском Союзе. Помните песни Высоцкого: «Отменили даже воинский парад! Скоро всех, к чертям собачьим, запретят!». Но это не работает, запреты не работают.

А воля людей, воля граждан этих стран проста: пусть руководители стран занимаются проблемами граждан, заботятся об их безопасности и качестве жизни, а не гонятся за химерами. Соединённые Штаты, где запрос людей привёл к достаточной радикальной смене политического вектора, – наглядный тому пример. А для других стран можно сказать, что примеры, как известно, заразительны.

Подчинение большинства меньшинству, присущее международным отношениям в период доминирования стран Запада, уступает место многостороннему, более кооперативному подходу. В его основе – договорённости и ведущих игроков, и учёт интересов всех. Это, конечно, вовсе не гарантирует гармонию и абсолютную бесконфликтность. Интересы стран никогда полностью не совпадают, а вся история международных отношений – это, безусловно, борьба за их реализацию.

Но принципиально новая мировая атмосфера, тон которой всё больше задают страны мирового большинства, позволяют надеяться, что всем игрокам так или иначе придётся учитывать интересы друг друга при выработке решений региональных и мировых проблем. Ведь по существу никто не может добиться своих целей в одиночку, в изоляции от остальных. Мир, несмотря на обострение конфликтов, на кризис прежней модели глобализации, фрагментацию мировой экономики, остаётся целостным, взаимосвязанным и взаимозависимым.

Нам это известно по собственному опыту. Вы знаете, сколько усилий приложили наши оппоненты за последние годы, чтобы, грубо говоря, вышибить Россию из мировой системы, загнать нас в политическую, культурную, информационную изоляцию и экономическую автаркию. По количеству и объёму введённых против нас карательных мер, которые стыдливо называют санкциями, Россия – абсолютный рекордсмен в мировой истории: 30 [тысяч], а может, уже и больше всяких ограничений.

И что? Добились своего? Я думаю, присутствующим здесь не нужно объяснять, что эти усилия потерпели полный крах. Россия явила миру высочайшую степень устойчивости, способность выдерживать сильнейшее внешнее давление, которое могло бы сломать не только отдельную страну, но целую коалицию государств. И мы испытываем в этой связи, конечно, законную гордость, гордость за Россию, за наших граждан и за наши Вооружённые Силы.

Но хочу сказать не только об этом. Оказалась, что та самая мировая система, откуда нас хотели изгнать, выдавить, Россию попросту не отпускает. Потому что Россия необходима ей как очень весомая часть всеобщего равновесия. И не только из-за своей территории, народонаселения, оборонного, технологического и индустриального потенциала, из-за своих полезных ископаемых, хотя, конечно, всё, что я сейчас перечислил, очень, очень важно – это важнейшие факторы.

Но прежде всего потому что **мировой баланс без России не выстраивается: ни экономический, ни стратегический, ни культурный, ни логистический – никакой.** Думаю, что те, кто пробовали всё это разрушить, как раз убедились в этом. Некоторые, правда, упорно надеются всё-таки добиться своего: нанести России, как они говорят, стратегическое поражение.

Ну, если они не видят обречённости этого плана и упорствуют, всё-таки надеюсь, что жизнь покажет и это дойдёт до самых упрямых тугодумов. Вроде бы уже не раз шумели, угрожали полной блокадой, пытались заставить народ России, как они сами выражались, слово подобрали – не постеснялись, хотели заставить народ России страдать, строили планы один фантастичнее другого. Мне кажется, что пора уже успокоиться, осмотреться, понять реалии и как-то выстраивать отношения в совершенно другом направлении.

Мы также понимаем, что **полицентричный мир очень динамичен. Он кажется хрупким и неустойчивым, потому что невозможно навсегда зафиксировать положение вещей, надолго определить расстановку сил.** Ведь и участников процессов много, и силы эти самые несимметричные, сложно составленные. У всех свои выигрышные стороны и конкурентные преимущества, которые в каждом случае создают уникальную комбинацию и композицию.

Сегодняшний мир – чрезвычайно комплексная, многоаспектная система. И чтобы правильно описать, осмыслить её, недостаточно простых законов логики, причинно-следственных связей и возникающих из этого закономерностей. Тут нужна философия сложности – что-то сродни квантовой механике, которая мудрее, сложнее в чём-то классической физики.

Однако именно благодаря этой сложности мира общая договороспособность, на мой взгляд, всё-таки имеет тенденцию увеличиться. Ведь линейные односторонние решения невозможны, а нелинейные и многосторонние решения требуют очень серьёзной, профессиональной, непредвзятой, творческой, временам нестандартной дипломатии.

Поэтому убеждён: мы с вами станем свидетелями своего рода ренессанса, возрождения высокого дипломатического искусства. А его суть – в способности вести диалог и договариваться и с соседями, и с единомышленниками, и – что не менее важно, но более сложно – с оппонентами.

Именно в таком духе – духе дипломатии XXI века – развиваются новые институты. Это и расширяющееся сообщество БРИКС, и организации крупнейших регионов, например Шанхайская организация сотрудничества, и [организации] Евразии, и более компактные, но от этого не менее важные региональные объединения. Их много сейчас по миру возникает – все не буду перечислять, вы знаете об этом.

Все эти новые структуры разные, но их объединяет важнейшее качество: они не функционируют по принципу иерархии, подчинения кому-то одному, самому главному. Они не против кого-то, они – за себя. Повторю ещё раз: современному миру нужны договорённости, а не навязывание чьей-то воли. Гегемония, причём любая, просто не справляется и не справится с масштабом задач.

Обеспечение международной безопасности в этих условиях – вопрос крайне насущный и комплексный. Растущее количество игроков с разными целями и политическими культурами, со своими самобытными традициями – вся эта глобальная сложность делает выработку подходов к теме безопасности намного более запутанной, непростой задачей. Однако открывает всем нам и новые возможности.

Блоковые замашки, заведомо запрограммированные на конфронтацию, безусловно, теперь анахронизм, не имеющий смысла. Мы видим, например, с каким усердием наши европейские соседи стремятся залатать, подштукатурить трещины, пошедшие по зданию Европы. Однако они хотят преодолеть раскол, укрепить пошатнувшееся единство, которым прежде так кичились, вовсе не посредством эффективного решения внутренних проблем, а за счёт раздувания образа врага. Старый пример, но фокус в том, что люди-то в этих странах всё видят, понимают. Поэтому на улицы выходят, несмотря на нагнетание, как я уже говорил, ситуации на внешнем контуре и поиск этого врага.

Причём врага они воссоздают привычного, придуманного уже столетия назад – Россию. Большинство людей в Европе не могут взять в толк, чем же им так страшна Россия, что для противостояния ей нужно всё туже, туже затягивать пояса и забыть о собственных интересах, просто сдать их, вести политику явно себе в ущерб. Но правящие элиты объединённой Европы продолжают нагнетать истерию. Оказывается, война с русскими чуть ли не на пороге. Повторяют эту чушь, эту мантру раз за разом.

Честно вам говорю, смотрю иногда, как и что говорят, думаю: ну они же не могут в это верить. Они же не могут верить в то, что говорят – что Россия собирается нападать на НАТО. В это поверить невозможно. А своих людей убеждают. Значит, это что за люди? Они либо очень некомпетентные, если действительно верят, потому что поверить в эту чушь невозможно, или просто не порядочные, потому что они сами в это не верят, а своих граждан в этом пытаются убедить. А какие ещё варианты-то?

Честно говоря, так и хочется сказать: уймись, спи спокойно, займись, наконец, своими проблемами. Посмотрите, что происходит на улицах европейских городов, что творится с экономикой, промышленностью, с европейской культурой и идентичностью, с огромными долгами и нарастающим кризисом систем социального обеспечения, вышедшей из-под контроля миграцией, ростом насилия, в том числе политического, радикализацией левацких, ультралиберальных, расистских маргинальных обществ.

Обратите внимание, как Европа скатывается на периферию глобальной конкуренции. Мы прекрасно знаем, насколько все угрозы относительно агрессивных планов России, которыми Европа сама себя запугивает, высосаны из пальца, я сейчас только что об этом сказал. Но самовнушение – вещь опасная. И мы просто не можем не уделять внимание тому, что происходит, не имеем права этого делать из соображений обеспечения нашей собственной безопасности, повторю, нашей обороны и безопасности.

Потому внимательно следим за набирающей силу милитаризацией Европы. Просто ли это слова, либо нам пора принимать ответные меры? Мы слышим, и вы знаете об этом, ФРГ, например, говорит о том, что немецкая армия должна быть опять самой мощной в Европе. Ну хорошо, мы внимательно слушаем, смотрим, что имеется в виду.

Думаю, ни у кого нет сомнений, что ответные меры России не заставят себя долго ждать. Ответ на угрозы, мягко говоря, будет очень убедительным. Именно ответ. Мы сами никогда не инициировали военное противостояние. Оно бессмысленно, не нужно и просто абсурдно, оно уводит от реальных проблем и вызовов. И общества все равно рано или поздно спросят со своих руководителей за то, что их надежды, чаяния и потребности этими элитами их стран игнорируются.

Но если у кого-то все же появится желание потягаться с нами в военной сфере – как у нас говорят, вольному воля, пусть пробуют. Россия не раз доказывала: когда появляется угроза нашей безопасности, миру и спокойствию наших граждан, нашему суверенитету и самой государственности, мы отвечаем быстро.

Не нужно провоцировать. Не было случая, чтобы, в конечном счете, это не заканчивалось плохо для самого провокатора. Исключений тут не нужно ждать и впредь: их не будет.

Наша история доказала: слабость недопустима, потому что создаёт соблазн, иллюзию, что какой-то вопрос с нами можно решить с помощью силы. Слабости и нерешительности Россия не проявит никогда. Пусть об этом помнят те, кому мы мешаем самим фактом нашего существования. Те, кто лелеют мечты о нанесении нам этого самого стратегического поражения. *Кстати говоря, тех, кто активно об этом говорил, как у нас говорят тоже, иных уж нет, а те далеке. Где эти деятели?*

Объективных проблем, связанных с факторами природного, техногенного, социального характера, в мире так много, что расходовать силы и энергию на искусственные, зачастую придуманные противоречия непозволительно, расточительно и просто глупо.

Международная безопасность – теперь явление настолько многогранное и неделимое, что никакое геополитическое ценностное размежевание не способно расщепить его. Только кропотливая, всесторонняя работа с вовлечением разных партнеров и опорой на творческие подходы может решать сложные уравнения безопасности XXI века. И в нём нет более или менее

важных элементов, каких-то особо важных – всё решается только в комплексе.

Наша страна последовательно отстаивала и отстаивает принцип неделимости безопасности. Не раз говорил: безопасность одних не может быть обеспечена за счёт других. В противном случае безопасности нет вообще,

нет ни для кого. Добиться утверждения такого принципа не удалось. Эйфория и ничем не ограниченная жажда власти тех, кто после «холодной войны» считал себя победителем, как уже говорил неоднократно, привели к стремлению навязать всем односторонние, субъективные представления о безопасности.

Это, на самом деле, и стало подлинной, корневой первопричиной не только украинского, но и многих других острых конфликтов XX [века] – первого десятилетия XXI века. В результате, как мы и предупреждали, в безопасности не чувствует себя сегодня вообще никто. Пора вернуться, что называется, к истокам, исправить совершенные ошибки.

Но неделимость безопасности сегодня, если сравнить с концом 80-х – началом 90-х годов прошлого века, явление еще более сложное. Речь уже не только о военно-политическом балансе и учёте взаимных интересов. **Безопасность человечества зависит от его способности отвечать на вызовы, порождаемые природными катаклизмами, техногенными катастрофами, технологическим развитием, новыми стремительными социальными, демографическими, информационными процессами.**

Всё это взаимосвязано, и изменения происходят в значительной степени сами по себе, часто, тоже уже сказал, непредсказуемо по своей собственной внутренней логике и законам, и порой даже, позволю себе сказать, помимо воли и ожидания людей.

Человечество рискует оказаться лишним в такой ситуации, просто наблюдателем за процессами, которыми оно уже не в состоянии будет управлять. Что это как не системный вызов для всех нас и возможность всем нам конструктивно работать вместе?

Готовых ответов здесь нет, но полагаю, что для решения глобальных проблем необходимо, во-первых, подойти к ним без идеологической заданности, без назидательного пафоса в духе «сейчас я вам всё

объясню как надо». Во-вторых, важно осознать, что это по-настоящему общее, неделимое дело, требующее совместной работы всех стран и народов.

Каждая культура и цивилизация должны внести свой вклад, потому что, повторю, по отдельности никто не знает правильного ответа. Он может родиться только в условиях совместного конструктивного поиска, объединения, а не разъединения усилий и национального опыта разных государств.

Повторяю ещё раз: конфликты, столкновения интересов были и будут, конечно, были и будут всегда – вопрос как их решать. Многополярный мир, как уже сегодня говорил, – это возвращение классической дипломатии, когда для урегулирования нужно внимание, взаимное уважение, а не принуждение.

Классическая дипломатия была способна учитывать позицию разных субъектов международной жизни, ту самую сложность «концерта» различных держав. Однако в своё время ей на смену пришла западная дипломатия монолога, бесконечных поучений и приказов. Вместо урегулирования конфликтных ситуаций стали продавливаться чьи-то конкретные интересы, считая интересы всех остальных недостойными внимания.

Стоит ли удивляться, что вместо урегулирования получалось только обострение конфликтов, вплоть до их перехода в кровавую вооружённую фазу и гуманитарную катастрофу? Действовать так – не решить ни одной проблемы. Примерам за 30 лет нет числа.

Одним из них является палестино-израильский конфликт, который по рецептам западной односторонней дипломатии, грубо игнорирующей историю, традиции, идентичность, культуру живущих там народов, решить не получается, как и в целом стабилизировать ситуацию на Ближнем Востоке, которая, напротив, стремительно деградирует. Сейчас мы знакомимся более подробно с инициативами Президента Трампа. Мне кажется, что здесь какой-то свет в конце тоннеля всё-таки может появиться.

Страшный пример и украинская трагедия. Это боль для украинцев и для русских, для всех нас. Причины украинского конфликта хорошо известны любому, кто взял на себя труд поинтересоваться предысторией его нынешнего, самого острого этапа. Не буду повторять – уверен, присутствующие в этом зале хорошо их знают и знают мою позицию по этому вопросу, я много раз её формулировал.

Известно и другое. Те, кто поощрял, подначивал, вооружал Украину, науськивал её на Россию, десятилетиями взращивал там оголтелый национализм и неонацизм, честно говоря, извините за моветон, плевать хотели не только на российские интересы, но и на собственно украинские, подлинные интересы народа этой страны. Им не жалко этого народа, этот народ для них – расходный материал, для

глобалистов, экспансионистов на Западе и их прислуги в Киеве. Результаты безрассудного авантюризма налицо, тут не о чем и говорить.

Можно задать себе другой вопрос: а могло ли быть иначе? Мы знаем тоже, вернусь к тому, что говорил Президент Трамп: он говорил, что, если бы он был у власти, этого можно было бы избежать. Я согласен с этим. Действительно, этого можно было избежать, если бы по-другому выстраивалась работа у нас с тогдашней байденовской Администрацией. Если бы Украину не превратили в разрушительный инструмент в чужих руках, если бы не использовали для этого Североатлантический блок, который продвигается к нашим границам. Если бы Украина сохранила, в конце концов, свою независимость, свой реальный суверенитет.

И ещё вопрос: как следовало бы разрешать двусторонние российско-украинские проблемы, которые были объективным следствием распада огромной страны и сложных геополитических трансформаций? Кстати говоря, я думаю, что и роспуск Советского Союза-то был связан с позицией тогдашнего руководства России избавиться от всякой идеологической конфронтации в надежде на то, что сейчас, когда всё, с коммунизмом у нас покончено, сейчас наступит «братание». Нет, ничего подобного. Здесь другие, оказывается, факторы, геополитические интересы. И оказалось, что идеологические противоречия здесь ни при чём.

Как их решать в полицентричном мире? И как решалась бы ситуация на Украине? Думаю, что, если бы была многополярность, разные полюса «примерили» бы ситуацию вокруг украинского конфликта, что называется, на себя, на те потенциальные зоны напряжения, разломы, которые есть в их собственных регионах, и тогда коллективное решение было бы гораздо более ответственным и взвешенным.

В основу урегулирования легло бы понимание, что у всех участников этой непростой ситуации есть свои интересы. Они обоснованы объективными и субъективными обстоятельствами, и их нельзя игнорировать. Стремление всех стран обеспечить безопасность и развитие закономерно. Это естественно относится и к Украине, и к России, и ко всем нашим соседям. Именно государствам региона должно принадлежать главное слово в том, что касается создания региональной системы. И именно они имеют максимальный шанс договориться о приемлемой для всех модели взаимодействия, потому что их это непосредственно касается. Это их жизненный интерес.

Для других стран эта ситуация, в данном случае на Украине, – это карта в другой, гораздо более масштабной игре, причём в их собственной игре и, как правило, даже не связанной с конкретными проблемами стран вообще и в данном случае этой конкретной страны и стран, вовлечённых в конфликт. Это только повод и способ решить свои геополитические задачи, расширить зону контроля – да и немножко заработать на войне. Вот и «лезли» к нам на порог с натовской инфраструктурой, безучастно годами взирали на трагедию Донбасса, на геноцид по сути и уничтожение русских людей на наших же исконных, исторических территориях, которое началось с 2014 года после кровавого государственного переворота на Украине.

Контрастом такому поведению, которое демонстрируют Европа и до недавнего времени Соединённые Штаты при прежней Администрации, являются действия стран мирового большинства. Они отказываются занимать чью-то сторону, стремятся реально помочь в установлении справедливого мира. Мы благодарны всем государствам, которые за последние годы искренне прилагали усилия, чтобы найти выход из ситуации. Это наши партнёры – основатели БРИКС: Китай, Индия, Бразилия, ЮАР. Это Белоруссия, это и,

кстати говоря, Северная Корея. Это наши друзья в арабском, исламском мире, в целом, прежде всего Саудовская Аравия, Объединённые Арабские Эмираты, Катар, Египет, Турция, Иран. Сербия, Венгрия, Словакия в Европе. И многие другие страны, африканские и латиноамериканские.

Пока, к сожалению, прекратить боевые действия не удалось, но ответственность за это лежит не на «большинстве», за то, что не удалось прекратить, а на «меньшинстве», прежде всего Европе, которая постоянно эскалирует конфликт – и, по-моему, другой цели-то на сегодня там не просматривается. Тем не менее, я думаю, что добрая воля возьмёт верх, и в этом смысле нет ни малейших сомнений: я думаю, что и на Украине изменения происходят, постепенно, мы это видим. Как бы там мозги людям не промывали – всё-таки изменения происходят в общественном сознании, да и в подавляющем большинстве стран мира.

На самом деле феномен мирового большинства – это новое явление международной жизни. Тоже хотел бы два слова на этот счёт сказать. В чём его суть? В том, что **подавляющее большинство государств мира настроено на реализацию собственных цивилизационных интересов, главный из которых – свое сбалансированное поступательное развитие.** Казалось бы, это естественно, так было всегда. Но в предыдущие эпохи понимание этих самых интересов зачастую искажалось нездоровыми амбициями, эгоизмом, влиянием экспансионистской идеологии.

Сейчас большинство стран и народов, то самое мировое большинство, осознает свои подлинные интересы. Но самое-то главное в том, что они чувствуют в себе силы, уверенность для того, чтобы отстаивать эти интересы вопреки внешним воздействиям, – и добавлю, продвигая и отстаивая свои собственные интересы, готовы работать вместе с партнерами, то есть конвертировать международные отношения, дипломатию, интеграцию в источник своего роста, прогресса и развития. Отношения внутри мирового большинства – прототип политических практик, необходимых и действенных в полицентричном мире.

Это прагматизм и реализм, отказ от «блоковой» философии, отсутствие жестких, заданных кем-то одним обязательств, моделей, где есть «старшие» и «младшие» партнеры. Наконец, способность сочетать интересы, далеко не всегда совпадающие, но в основном и не противоречащие друг другу. Отсутствие антагонизма становится основным принципом.

Сейчас набирает силу новая волна фактической деколонизации, когда бывшие колонии, помимо государственности, обретают политический, экономический, культурный и мировоззренческий суверенитет.

В этом контексте значима еще одна годовщина. Мы только что отметили 80-летие Организации Объединенных Наций. Это не только самая представительная, универсальная политическая структура мира, это символ духа сотрудничества, союзничества, даже боевого братства, который помог в первой половине прошлого века объединить усилия для борьбы с самым страшным злом в истории – безжалостной машиной истребления и порабощения.

И решающая роль в этой общей победе, мы гордимся этим, победе над нацизмом принадлежит, разумеется, Советскому Союзу. Надо посмотреть только на количество жертв всех участников антигитлеровской коалиции, и все станет сразу ясно, вот и всё.

ООН, конечно, – наследие победы во Второй мировой войне, самый успешный до сих пор опыт создания международной организации, в рамках которой возможно решать насущные мировые проблемы.

Сейчас часто можно слышать, что система ООН парализована и находится в кризисе. Это стало общим местом. Некоторые даже утверждают, что она изжила себя, ее следует как минимум радикально реформировать. Да, безусловно, проблем в работе ООН очень много, очень. Но лучше, чем ООН, тоже ничего пока нет. Это тоже надо признать.

Проблема не в ООН на самом деле, ведь ее потенциальные возможности очень большие. Вопрос на самом деле в том, как мы сами – те самые объединенные, а сейчас, к сожалению, разъединенные нации – все эти возможности используем.

Спору нет, ООН сталкивается со сложностями. Как и любая организация, сегодня она нуждается в адаптации к меняющимся реалиям. Однако в процессе ее реформирования, достройки принципиально важно не потерять, не исказить основной смысл, причем не только тот, что был заложен при создании всей Организации Объединенных Наций, но и обретенный в процессе ее сложного развития.

Стоит в этой связи вспомнить, что с 1945 года количество государств – членов ООН увеличилось почти в четыре раза. Организация, которая возникла по инициативе нескольких крупнейших стран, за десятилетия существования не просто расширилась, она «впитала» множество различных культур и политических традиций, обрела разнообразие, превратилась в по-настоящему многополярную еще задолго до того, как таким стал мир. Потенциал, заложенный в системе ООН, еще только начинает раскрываться, и, уверен, что в наступающую новую эпоху это произойдет и произойдет быстрее.

Иными словами, теперь страны мирового большинства, естественно, формируют убедительное большинство и в составе Организации Объединенных Наций, а значит, ее структуру и органы управления пора привести в соответствие с этим фактом, что, кстати, будет гораздо больше соответствовать и базовым принципам демократии.

Не буду отрицать, сейчас нет единогласия относительно того, как следует обустроить мир, на каких принципах он должен базироваться в предстоящие годы и десятилетия. Мы вступили в длительный период поиска, во многом движения наощупь. Когда окончательно сформируется новая устойчивая система, ее каркас – неизвестно. Надо быть готовыми, что на протяжении длительного времени

социальное, политическое и экономическое развитие будут иметь труднопредсказуемый характер, а подчас и весьма нервный характер.

И чтобы сохранить четкие ориентиры, не сбиться с пути, всем нужна прочная опора. Это, на наш взгляд, прежде всего ценности, вызревающие в национальных культурах на протяжении веков. Культура и история, этические и религиозные нормы, влияние географии и пространства – основные элементы, из которых рождаются цивилизации, особые общности, создающиеся веками и определяющие национальное самосознание, ценностные установки и традиции, всё то, что и служит ориентирами, позволяющими не потеряться, устоять перед штормами бурного океана международной жизни.

Традиции – вещь всегда уникальная, самобытная, у всех своя. И уважение традиций – первое и главное условие благополучного развития международных связей и решения возникающих проблем.

Мир пережил попытки унификации, навязывания всем якобы универсальной модели, которая шла вразрез с культурными и этическими традициями большинства народов. В свое время этим грешил Советский Союз, навязывая свою политическую систему. Мы знаем об этом. Честно говоря, думаю, вряд ли кто-нибудь будет спорить. Потом эту «эстафету» перехватили Соединенные Штаты. Весьма отличалась и Европа. И в одном, и в другом случае ничего не получилось.

Поверхностное, наносное, искусственное, тем более навязанное со стороны долго не удерживается. А тот, кто уважает свою традицию, как правило, не посягает и на чужую.

Сейчас на фоне международной нестабильности особое внимание приобретает собственный фундамент развития, который не зависит от международных вихрей. И мы видим, как страны и народы обращаются именно к этим основам. Происходит такое не только в государствах мирового большинства, к этому приходят и в западных обществах. Если все руководствуются этим, занимаясь собой, и не размениваясь на ненужные амбиции, обнаруживается, что и общий язык с остальными найти легче.

В качестве примера можно привести и сегодняшний опыт взаимодействия России с Соединенными Штатами. У наших стран, как известно, немало противоречий, наши взгляды на многие мировые проблемы не сходятся. Для таких крупных держав это нормально, на самом деле естественно абсолютно. Главное, как разрешать эти противоречия, насколько удастся улаживать их миром.

Нынешняя Администрация Белого дома свои интересы и желания заявляет прямо, думаю, вы согласитесь со мной, иногда и прямолинейно, но зато без всякого лишнего лицемерия. Всегда лучше отчетливо понимать, что хочет собеседник, чего он добивается, чем пытаться угадать реальный смысл в череде экивоков, двусмысленных и туманных намеков.

Мы видим, что сегодняшняя Администрация США руководствуется прежде всего интересами своей собственной страны – так, как она их понимает. Полагаю, что это рациональный подход.

Но тогда, извините, и Россия оставляет за собой право руководствоваться нашими национальными интересами, одним из которых, кстати, является и восстановление полноформатных отношений с США. И какими бы ни были противоречия, если относиться друг к другу с уважением, то торг – пусть даже самый жесткий, упорный – всё же будет иметь целью сойтись, а это значит, что в конце концов, взаимоприемлемые варианты решения, возможны.

Многополярность, полицентризм, реальность, которая с нами надолго, как скоро и насколько эффективно нам удастся создать на ее основе устойчивый мировой порядок – зависит от каждого из нас. А такой порядок, такая модель в современном мире возможны только как результат всеобщих усилий, работы, в которой участвуют все. Повторю, времена, когда узкая группа самых могущественных держав решала за весь остальной мир, как жить, ушли безвозвратно.

Об этом стоит помнить тем, кто ностальгирует по колониальным временам, когда народы было принято делить на тех, кто равны, и некоторых, кто равнее. Фраза Оруэлла нам хорошо известна.

Нам никогда не было свойственно – нам, России – такое расистское понимание проблем, отношение такое к другим народам, другим культурам никогда не было свойственно России и никогда не будет.

Мы за разнообразие, полифонию, ценностную симфонию. Мир, безусловно, вы согласитесь со мной, выглядит уныло, когда он монотонен. России выпала очень бурная и трудная судьба. Само формирование российской государственности – это постоянное преодоление колоссальных исторических вызовов.

Не хочу сказать, что другие государства развивались в тепличных условиях, конечно же, нет. Но все же российский опыт во многом уникален, как уникальна и страна, им созданная. В этом нет претензий на исключительность, на превосходство, это просто констатация нашей самобытности.

Мы переживали многочисленные потрясения, дали миру пищу для очень разных размышлений – и негативных, и позитивных. Зато благодаря нашему историческому багажу мы лучше готовы к сложной, к нелинейной, неоднозначной мировой ситуации, в которой всем нам предстоит жить.

В любых перипетиях Россия доказала одно: она была, есть и всегда будет. Ее роль в мире меняется, мы это понимаем, но она неизменно остается силой, без которой трудно, а часто и невозможно достичь ни гармонии, ни баланса. Этот проверенный факт – проверенный историей, временем – это факт, который является безусловным.

Но в сегодняшнем многополярном мире эта гармония, этот баланс, о которых я говорил, могут быть достигнуты, безусловно, только в результате совместной, общей работы. И хочу вас заверить, Россия к такой работе готова.

Благодарю вас за внимание. Спасибо большое.

Ф.Лукьянов: Владимир Владимирович, огромное спасибо за такое обширное...

В.Путин: Я вас утомил? Извините.

Ф.Лукьянов: Нет, Вы только начали. (Смех.) Зато Вы сразу нам задали такую планку разговора, что мы, безусловно, сейчас уцепимся за очень много тем, которые прозвучали.

Тем более что, действительно, полицентричный, многополярный мир – это пока только предмет начинающегося описания. Действительно, он настолько сложен, как у Вас сказано было в выступлении, что мы пока можем, как в старой притче: там каждый у слона трогает какую-то часть тела и думает, что это весь слон, а на самом деле это только часть.

В.Путин: Вы знаете, это не пустые слова. Я говорил из практики. Вот перед нами, передо мной иногда встают совершенно конкретные вопросы, которые нужно решать в той или другой части мира. Ну и в прежние времена, когда был Советский Союз, один блок, второй блок, чего там – внутри блока согласовали, и поехало.

Нет, я вам откровенно говорю, на практике несколько раз у меня было, вот я думаю: так поступить или так? Потом думаю: нет, так нельзя, потому что это заденет вот таких-то, лучше вот так. А потом: нет, но если я так поступлю, то это заденет таких-то. Вот это реально. И, честно сказать, было несколько случаев: вообще ничего не будем делать. Правда. Потому что ущерб будет больше от принимаемых мер, чем просто выдержка и терпение.

Это реалии сегодняшнего дня – я ничего не придумал: как есть в реальной жизни, в практике – я так и сказал.

Ф.Лукьянов: А Вы шахматами в школе увлекались?

В.Путин: Ну, я любил шахматы.

Ф.Лукиянов: Хорошо, тогда я продолжу то, что Вы только что сказали по поводу практики. Действительно, меняется не только теоретическое осмысление, но и практические действия на мировой арене не могут быть такими, как прежде.

В частности, всё-таки предшествующие десятилетия многие полагались на институты, международные организации, структуры, структуры внутри государств, которые были приспособлены для решения определённых задач.

Сейчас многие эксперты, и у нас это было на Валдайском обсуждении в предыдущие дни, говорят о том, что институты по разным причинам или слабеют, или вообще утрачивают эффективность, и на лидеров, на руководителей ложится гораздо большая ответственность, чем прежде.

В этой связи у меня к Вам вопрос: Вы себя не ощущаете иногда таким, знаете, Александром I на Венском конгрессе, который самолично вёл переговоры о новом мироустройстве? Вот именно Вы, один.

В.Путин: Нет, не ощущаю. Александр I был императором, а я избранный народом Президент на определённый срок – это большая разница. Это во-первых.

Во-вторых, Александр I всё-таки объединил Европу силой, победив врага, который вторгся на нашу территорию. Мы помним, что он делал, – это Венский конгресс и так далее и так далее. С точки зрения того, куда двигался мир, пускай историки дадут оценки, это спорная вещь: надо ли было восстанавливать монархии везде и вся и как бы попытаться вернуть колесо истории чуть-чуть назад. Не лучше было бы посмотреть тенденции и что-то придумать, чтобы двигаться вперёд и стать во главе этого процесса? Это так, не имеет отношения к Вашему вопросу, апропо, что называется.

А что касается современных институтов. Ведь в чём проблема? Они деградировали как раз в период попытки отдельных стран, или «коллективного Запада», воспользоваться положением после холодной войны, объявив себя победителями. Здесь начали всем всё навязывать – первое. Второе – все остальные постепенно, сначала глухо, потом всё активнее, активнее начали этому сопротивляться.

За первый период времени – после того как Советский Союз прекратил существование – западные структуры в старые форматы напихали значительное количество своих кадров. И все эти кадры, строго действуя по инструкции, по тому, как они получали из вашингтонского обкома, действовали, и действовали, честно говоря, очень грубо, просто не считаясь вообще ни с чем и ни с кем.

И это привело к тому, что и в том числе Россия вообще перестала обращаться к этим институтам, полагая, что там ничего невозможно сделать. ОБСЕ для чего была создана? Для урегулирования сложных ситуаций в Европе. А всё свелось к чему? Вся деятельность ОБСЕ свелась к тому, что она превратилась в какую-то площадку для обсуждения, скажем, тех же прав человека на постсоветском пространстве.

Ну, послушайте. Да, проблем хватает. Ну а что, в Западной Европе их мало, что ли? Вот смотрите, сейчас, по-моему, только что, совсем недавно даже Госдеп США обратил внимание на то, что в Великобритании возникли проблемы с правами человека. Нонсенс, казалось бы, ну, дай бог им здоровья, тем, кто сейчас это отметил.

Но это же не сейчас возникло – эти проблемы всегда были. А эти международные организации просто начали профессионально заниматься Россией и постсоветским пространством. Но не для этого они создавались. И так по очень многим направлениям.

Поэтому они в значительной степени утратили свой смысл, смысл на тот момент, когда они создавались ещё в прошлой системе отсчёта, когда был Советский Союз, восточный блок и западный блок. Поэтому они деградировали. Не потому, что они были плохо сложены, а потому, что они перестали заниматься тем, ради чего они создавались.

Но другого способа, как искать какие-то консенсусные решения, всё-таки нет и не было. Мы, кстати говоря, постепенно, постепенно созревали до того, что нам нужно создавать какие-то институты, где вопросы решаются не так, как пытались их решать наши западные коллеги, а действительно на основе консенсуса, действительно на основе согласования позиций. Так возникла ШОС – Шанхайская организация сотрудничества.

Она ведь первоначально возникла из чего? Из необходимости урегулировать пограничные отношения между странами – бывшими республиками Советского Союза и Китайской Народной Республикой. И очень хорошо отработала, очень хорошо. И мы начали расширять сферу её деятельности. И пошло! Понимаете?

Так возник БРИКС, когда у меня в гостях были Премьер-министр Индии и Председатель Китайской Народной Республики, я предложил собраться втроём, в Петербурге это было. Возник РИК – Россия, Индия, Китай. Мы договорились, что: а) будем собираться; б) расширим эту площадку для работы наших министров иностранных дел. И пошло.

А почему? А потому, что сразу увидели все участники процесса, несмотря на какие-то даже шероховатости между собой, что в целом площадка-то хорошая, здесь нет желающих выпячивать себя, во что бы то ни стало продавливать свой интерес, а у всех возникло понимание, что искать нужно баланс.

Сразу потом попросились к нам и Бразилия, и Южная Африка – возник БРИКС. Это естественные партнёры, объединённые общей идеей, как выстроить отношения для поиска взаимоприемлемых решений. Они начали собираться в организации.

То же самое начало происходить по всему миру, когда я, выступая сейчас, сказал о региональных организациях. И смотрите, как авторитет этих организаций растёт. В этом залог того, что новый сложный многополярный мир, но всё-таки имеет шансы на то, чтобы быть устойчивым.

Ф.Лукиянов: Вы в выступлении использовали красивую и хорошо известную у нас метафору про лом, что против лома нет приёма, если другой не появляется. Это же тоже имеет отношение к институтам, потому что, опять же, когда институты не работают, тогда остаётся лом – иными словами, военная сила, которая, безусловно, в международных отношениях сейчас опять выдвинулась на первый план.

Много рассуждают, и у нас на Валдайском форуме была целая отдельная секция на эту тему, что такое новая война, современная война, она явно изменилась. Как Вы бы оценили как Главнокомандующий, просто как крупный политик, что по-другому стало с войной?

В.Путин: Это очень специальный вопрос, тем не менее, конечно, очень важный, безусловно.

Во-первых, невоенные способы решения военных вопросов, они всегда существовали, но сейчас – с развитием технологий – они приобретают новое значение и дают новые эффекты. Что имею в виду? Информационные атаки, влияние на политическое сознание страны потенциального противника, попытки разложить это сознание.

И Вы знаете, сейчас о чём подумал? Мне недавно говорили, что у нас возрождается такая русская традиция: девочки, молодые девушки на свои мероприятия, когда где-то отдыхают, в бары и так далее приходят в кокошниках, в русских нарядах. Вы знаете, это не шутка – меня это очень радует. Почему? Потому что это значит, что, несмотря на все попытки разложить наше российское общество изнутри, наши противники не добиваются никакого результата, а наоборот, эффект, обратный ожидаемому, получают. *//эффект в стиле русского айкидо//*

И то, что у молодых людей есть такая внутренняя защита от каких-то попыток повлиять на общественное сознание изнутри – это очень хорошо. Это говорит о зрелости и прочности российского общества. Но это одна сторона медали. И здесь же, сюда же – попытки нанести ущерб экономике, финансовой сфере и так далее, что, конечно, очень опасно.

Но если говорить о чисто военной составляющей, то здесь, конечно, очень много появляется новизны, связанной, конечно, с развитием технологий. И так это у всех на слуху, тем не менее скажу – это беспилотные системы. Причём в трёх средах: и в воздухе, и на земле, и на воде. Это беспилотные, безэкипажные катера, это платформы, которые используются на суше, и беспилотные летательные аппараты.

Причём это всё имеет двойное назначение. Вы знаете, это очень важно, это одна из особенностей сегодняшнего дня. Очень многие вещи, которые активно применяются в боевых действиях, они все двойного назначения. Возьмите беспилотные летательные аппараты. Они же могут применяться где? И в медицине, и при доставке продуктов питания, и при перевозе каких-то полезных грузов – везде. И в боевых действиях.

Это вызывает к необходимости развитие других систем: систем разведки, радиоэлектронной борьбы. Это меняет тактику ведения вооружённой борьбы, на поле боя многое меняется. Теперь уже нет этих клиньев Гудериана либо [прорывов] Рыбалко, как было во время Второй мировой войны, сейчас танки используются совсем по-другому. Не для того, чтобы рассекать и прорывать оборону противника, а для

того, чтобы поддерживать пехоту, причём с закрытых позиций. Это тоже нужно, но это всё-таки немножко другое.

Но самое главное знаете что? Скорость происходящих изменений. За месяц, за неделю очень многие вещи меняются. Уже много раз говорил: мы что-то применяем, потом раз – применение высокоточного, скажем, оружия, в том числе большой дальности, что тоже очень важный компонент сегодня, становится менее эффективным.

А почему? А потому что противник применяет новейшие системы РЭБ. Понял, что происходит, и подстроился. Значит, нам в течение нескольких дней, недели нужно найти противоядие. Это происходит в постоянном режиме, что очень важно, практически и на поле боя, и в научных центрах. Это современные изменения, это серьёзные новации в ведении современной вооружённой борьбы.

Всё меняется, кроме одного – это храбрость, мужество и героизм русского солдата, которым мы все очень гордимся. Я, когда говорю «русские», имею в виду не людей чисто этнически русских в паспорте – и наши ребята это подхватили, причём подхватили люди разных вероисповеданий и разных национальностей. Все с гордостью говорят: «Я русский солдат». Так оно и есть.

Почему? Напомню в этой связи Петра I. Что сказал Пётр I? Кто такой русский? Кто знает – хорошо, кто не знает – скажу, напомню. ***Пётр I сказал: «Русский – это тот, кто любит Россию и служит ей».***

Ф.Лукьянов: Спасибо.

По поводу кокошников я намек понял, в следующий раз соответствующая одежда будет.

В.Путин: Вам не надо кокошника.

Ф.Лукьянов: Нет? Хорошо, как скажете.

Владимир Владимирович, если серьёзно, Вы сказали о скорости, о темпах изменений. Действительно, это потрясающе, невероятно быстро всё меняется и в военной сфере, и в гражданской. Но, видимо, в ближайшие годы и десятилетия иначе мы уже не увидим ничего другого, так и будет.

Три с лишним года назад, когда начиналась специальная военная операция, звучала критика в адрес российской армии, в адрес нашего государства, что мы отстали по некоторым направлениям, и, соответственно, некоторые неудачи, которые были, они с этим связаны.

За истекшее время, во-первых, нагнали ли мы, с Вашей точки зрения, то, что должны были?

Во-вторых, раз мы говорим о русских солдатах, на данный момент положение дел на фронте как Вы оцениваете?

В.Путин: Во-первых, мы не то что отстали, а некоторых вещей мы действительно просто не видели. Это не то, что мы вот хотели что-то сделать, а не успели доделать, нет, просто действительно некоторых вещей не видели. Первое.

Второе. Мы же, мы воюем, мы производим военную технику. А с нами-то воюет очень много стран, все страны НАТО с нами воюют. Они сами это уже не скрывают. И причём, к сожалению, есть и инструкторы – и они принимают участие реально в боевых действиях на самом деле – из западных стран. Центр же создан специальный в Европе, который, по сути, сопровождает всё, что делает ВСУ: информацией подпитывает, разведданные из космоса передает, оружие поставляет, учит. И, повторяю, инструкторы принимают участие не только в подготовке, но и в выработке решений, а то и в их реализации.

Поэтому, конечно, вызов для нас серьёзный. Но российская армия, российское государство и российская оборонная промышленность быстро адаптировались к этому вызову.

Я без всякого преувеличения – и это не гипербола, не преувеличение, знаете, это не хвастовство, – я думаю, что **на сегодняшний день российская армия является самой боеспособной армией и по выучке личного состава, и по техническим возможностям, по умению их применять и модернизировать, поставлять на линию фронта новые образцы вооружений и по тактике даже ведения боевых действий.**

Вот это ответ, пожалуй, на Ваш вопрос.

Ф.Лукиянов: Наши собеседники и Ваш собеседник за океаном недавно переименовали министерство обороны в военное министерство. Казалось бы, то же самое, но, как говорится, есть нюанс. Как Вы считаете, от имён что-нибудь зависит по сути?

В.Путин: Можно сказать нет, а можно сказать, что как корабль назовешь, так он и поплывёт. Какой-то смысл, наверное, в этом есть, но звучит это несколько агрессивно – министерство войны. У нас Министерство обороны, мы из этого всегда исходили, всегда исходим и будем исходить. У нас нет агрессивных намерений в отношении третьих стран. У нас Министерство обороны, и цель Министерства обороны – обеспечить безопасность Российского государства и народов Российской Федерации.

Ф.Лукьянов: А он дразнится, что бумажный тигр?

В.Путин: Бумажный тигр... Я же сказал, что Россия все эти годы воюет не с ВСУ, не с Украиной, а воюет практически со всеми странами НАТО.

Если говорить о... Да, Вы спросили, что происходит у нас на линии боевого соприкосновения. Ну так вот, я сейчас к «тиграм» вернусь.

Значит, у нас практически по всей линии боевого соприкосновения наши войска уверенно идут вперёд. Если взять с севера – это и группировка «Север», – там в Харьковской области город Волчанск такой есть, и в Сумской области населённый пункт Юнаковка только что поставлен под наш контроль. Волчанск наполовину забрали – я думаю, дело времени, сейчас заберут наши бойцы и вторую часть. Там создаётся уверенно зона безопасности, и эта работа идёт слаженно и спокойно, по плану.

Западная группировка войск практически забрала один из таких крупных населённых пунктов – не забрала, а две трети города забрала, – Купянск. Там центр уже в наших руках. Боевые действия идут в южной части города. Другой достаточно крупный город, Кировск, полностью перешёл под наш контроль.

Южная группировка уже вошла в город Константиновку, а это уже один из основных оборонительных рубежей: Константиновка, Славянск, Краматорск – это те рубежи, которые создавались ВСУ на протяжении более 10 лет с помощью западных специалистов. Но туда уже зашли наши войска и там идут боевые действия. Так же как зашли в Северск – тоже достаточно крупный населённый пункт, и идут боевые действия там.

Группировка «Центр» активно, эффективно работает, проводит операции, зашли в город Красноармейск, по-моему, с южной части, идут бои в городе Красноармейске. Я не буду вдаваться в детали, в том числе и потому, что не хочу информировать нашего противника, как ни странно это прозвучит. Что имею в виду? Потому что у них неразбериха, они сами не очень понимают, что там происходит. И поэтому нам рассказывать, что там происходит, дополнительно давать им информацию, ни к чему. Но уверенно там наши ребята работают.

Что касается группировки «Восток», она идёт достаточно уверенно, быстрым темпом по северной части Запорожской области и частично Днепропетровской.

Очень себя надёжно чувствует и уверенно действует и группировка «Днепр». Примерно... Почти 100 процентов Луганской области в наших руках, нам осталось, по-моему, 0,13 процента, которые противник контролирует. Где-то процентов 19 с небольшим противник контролирует ещё Донецкой области. Где-то 24–25 процентов – это, соответственно, Запорожская и Херсонская области. И везде российские войска уверенно, хочу это подчеркнуть, удерживают стратегическую инициативу.

Но если мы воюем со всем блоком НАТО и так двигаемся, продвигаемся, уверенно себя чувствуем, и это бумажный тигр – что тогда само НАТО? Оно что тогда из себя представляет?

Но бог с ним. Нам самое главное быть уверенными в себе, а мы в себе уверены.

Ф.Лукьянов: Спасибо.

И есть такие детские – вырезать и собирать – тигры бумажные. Вы тогда Президенту Трампу, когда будет встречаться, подарите.

В.Путин: Да нет, у нас с ним свои отношения, мы знаем, что друг другу дарить. Мы к этому относимся, знаете, очень спокойно.

Я не знаю, в каком контексте это было сказано, как, с иронией, может быть, было сказано. В этом же тоже есть, понимаете... Вот он сказал своему собеседнику: это же бумажный тигр. А дальше может что следовать? Ну идите тогда и разберитесь с этим бумажным тигром. А там всё происходит по-другому.

Ведь в чём на сегодняшний день проблема? Оружия-то поставляют ВСУ достаточно, сколько нужно – столько и поставляют. За сентябрь потери ВСУ – где-то 44 700 человек. Из них почти половина – безвозвратные. За это время набрали по принудительной мобилизации только, по-моему, 18 с лишним тысяч. Примерно 14,5 тысячи вернули после излечения, из госпиталей. Вот смотрите, если сложить, сколько мобилизовали и сколько вернули из госпиталей и сколько потеряли, получается минус 11 тысяч. В месяц. Значит, не только нет восполнения на линии боевого соприкосновения, а уменьшение идёт.

При этом, если посмотреть с января по август текущего года, – примерно 150 тысяч дезертиров. За это же время набрали 160 тысяч. Но 150 тысяч дезертиров – это много. А с учётом текущих увеличивающихся потерь, хотя они были чуть побольше в предыдущем месяце, это значит, что есть только один способ – понизить уровень, понизить призывной возраст мобилизации. Но это не даст результата.

По мнению и наших, и, кстати говоря, западных специалистов, это вряд ли принесёт положительный результат, потому что нет времени на подготовку. Войска-то наши наступают каждый день. Понимаете, в чём дело? И закрепиться не успевают, и подготовить личный состав не успевают, да ещё и потери больше, чем возможности восполнить личный состав на поле боя. Вот в чём дело.

Поэтому лучше бы киевскому руководству подумать о том, как договариваться. Мы об этом много раз говорили и предлагали это сделать.

Ф.Лукьянов: А у нас личного состава хватает на всё?

В.Путин: У нас хватает. Во-первых, у нас, разумеется, к сожалению, тоже есть потери, но они кратно меньше, чем со стороны ВСУ, кратно.

И потом понимаете, в чём разница? У нас ребята-то приходят сами, записываются в армию, они же, по сути, добровольцы. Мы же не проводим никакой массовой, тем более принудительной мобилизации, что делается киевским режимом. Это же я не придумал, поверьте, это объективные данные, и западники это подтверждают: с января по август – 150 тысяч дезертиров [в ВСУ]. А почему? Людей схватили с улицы, они и бегут – и правильно делают. Я и призываю их бежать. Мы призываем и в плен сдаваться, но им трудно сдаться в плен, потому что или заградотряды их уничтожают, когда видят, что кто-то пытается сдаться в плен, или с беспилотников их уничтожают. А беспилотниками часто управляют наёмники из всяких разных стран, им вообще наплевать на украинцев, они их уничтожают, и всё. А армия-то, на самом деле армия простая, рабоче-крестьянская там, на Украине. Элита-то не воюет, они только посылают на убой своих граждан, и всё. Поэтому и такое количество дезертиров.

У нас тоже есть, это во время вооружённых конфликтов всегда бывает. Есть люди, которые самовольно оставляют часть. Но таких по сравнению с тем, что там происходит, единицы, понимаете? Единицы. А там массовый порядок. Вот отсюда проблема. Ну опустят призывной возраст до 21 года или до 18 лет – это не решит уже проблему, это надо понять. Надеюсь, что это понимание к лидерам киевского режима придёт, и они всё-таки найдут в себе силы для того, чтобы сесть за стол переговоров.

Ф.Лукиянов: Спасибо.

Дорогие друзья, пожалуйста, вопросы, желающие.

Иван Сафранчук, я вижу.

И.Сафранчук: Владимир Владимирович спасибо большое за Ваше очень интересное вступительное выступление, и Вы уже задали высокую планку дискуссии в обмене с Фёдором Александровичем.

Этот мотив уже звучал немножко в том, что Вы говорили, но я хотел бы уточнить. В тех кардинальных переменах, которые происходили в последние годы, Вас что-то удивило? Например, то, с какой оголтелостью многие европейцы пошли на конфронтацию с нами, некоторые перестали стыдиться участия в гитлеровской коалиции.

Ведь есть же вещи, которые совсем недавно было трудно себе представить. Был ли какой-то эффект действительно удивления, как такое возможно? И Вы говорили, что в современном мире нужно быть ко всему готовым, всё может происходить, но совсем недавно казалось, что есть бóльшая предсказуемость. Поэтому в этой высокой динамике перемен было ли что-то, что Вас действительно удивило?

В.Путин: Первоначально... В целом по большому счёту нет, ничего особенно не удивило, я так примерно и представлял себе, что это будет. Но всё-таки удивила такая готовность и даже желание пересмотреть всё, что было позитивным в прошлом.

Вот смотрите, сначала очень аккуратно, с зондажем, но всё-таки на Западе начали сравнивать сталинский режим и фашистский режим в Германии, нацистский, гитлеровский, на одну доску их начали ставить. Всё это я прекрасно видел, смотрел. Начали поднимать там на поверхность пакт Молотова – Риббентропа, при этом стыдливо забывая о Мюнхенском сговоре 1938 года, как будто этого не было, как будто Премьер-министр [Великобритании] тогда не приехал в Лондон после встречи в Мюнхене, не потряс на трапе самолёта договором с Гитлером: «С Гитлером подписали договор! – потряс им. – Я привёз мир!». Но даже тогда в Великобритании были люди, которые сказали «теперь война неизбежна», – это был Черчилль. Чемберлен сказал: я привёз мир. А Черчилль ответил: теперь война неизбежна. Тогда уже были эти оценки даны.

Говорили: пакт Молотова – Риббентропа – ужас, сговорились с Гитлером, Советский Союз сговорился с Гитлером. Ну а вы-то накануне сговорились с Гитлером и разделили Чехословакию. Как будто этого не было! Пропагандистски – да, можно вбивать людям в голову все эти несовместимости, но, по сути, мы-то знаем, как было на самом деле. Это первая часть Марлезонского балета.

Потом дальше – больше. Начали не только на одну доску ставить сталинский и гитлеровский режим, пытались забыть вообще результаты Нюрнбергского процесса. Странно, потому что это участники совместной борьбы, и Нюрнбергский процесс был общим и проходил для того, чтобы ничего подобного не повторилось в будущем. Но это тоже начали делать. Начали памятники сносить советским солдатам и так далее, которые боролись с нацизмом.

Я понимаю, там идеологические вещи были. Я сейчас сказал об этом с трибуны, что, когда Советский Союз проводил политику, когда навязывал свою политическую систему Восточной Европе, – да, всё это понятно. Но люди, которые боролись с нацизмом, жизни свои отдали, они здесь при чём? Они же не были во главе сталинского режима, не принимали никаких политических решений, они просто отдали свою жизнь на алтарь победы над нацизмом. Начали это – и так дальше, и так дальше...

Но это всё-таки удивило, что нет конца и края, казалось бы, только потому, я вас уверяю, что это связано с Россией и нужно её куда-то там задвинуть.

Знаете, я хотел выйти на трибуну, но не взял книжку с собой, хотел там кое-что вам прочитать, а потом просто забыл, её здесь оставил. Что хочу сказать? ***У меня дома на столе лежит томик Пушкина. Я иногда люблю, когда пять минут есть, туда погрузиться. Само по себе интересно, приятно почитать, а кроме того, я люблю погрузиться в атмосферу, почувствовать, как люди тогда жили, чем дышали, что думали.***

Буквально вчера открыл, полистал и наткнулся на одно стихотворение. Все мы знаем, российская часть [присутствующих в зале] точно знает, стихотворение Михаила Юрьевича Лермонтова «Бородино»: «Скажи-ка, дядя, ведь не даром...» – и так далее. Но я никогда не знал, что Пушкин писал на эту тему. Я его прочитал, это произвело на меня очень серьёзное впечатление, потому что это выглядит так, как будто Александр Сергеевич написал его вчера, и как будто он мне сказал: слушай, ты едешь на Валдайский клуб, возьми с собой, прочитай там ребятам своим, что я по этому поводу думаю.

Я, честно говоря, постеснялся, думаю, ладно. Но поскольку вопрос прозвучал, а книжка у меня с собой, вы разрешите? Это любопытно. Это ответ на многие вопросы. **Называется «Бородинская годовщина».**

Великий день Бородина

Мы братской тризной поминая,

Твердили: «Шли же племена,

Бедой России угрожая;

Не вся ль Европа тут была?

А чья звезда ее вела!..

Но стали ж мы пятою твердой

И грудью приняли напор

Племен, послушных воле гордой,

И равен был неравный спор.

И что ж? свой бедственный побег,

Кичась, они забыли ныне;

Забыли русской штык и снег,

Погребший славу их в пустыне.

Знакомый пир их манит вновь –

Хмельна для них славянов кровь;

Но тяжко будет им похмелье;

Но долг будет сон гостей

На тесном, хладном новоселье,

Под знаком северных полей!

(Аплодисменты.)

Здесь всё сказано. Ещё раз убеждаюсь в том, что Пушкин – наше всё. Кстати, дальше Александр Сергеевич вообще раздухарился, я не стану это читать, но вы, если хотите, почитайте. Это 1831 год.

Понимаете, сам факт наличия России многим не нравится, и все хотят как-то принять участие в этом историческом событии – нанесении нам «стратегического поражения» и на этом поживиться: там откусить, здесь откусить... Хочется сделать такой выразительный жест, но здесь [в зале] дам очень много... Этого не будет.

Ф.Лукиянов: Я хочу обратить внимание, очень важное сравнение. Президент Польши Навроцкий буквально, по-моему, позавчера в интервью сказал...

В.Путин: Кстати, там дальше [в стихотворении] про Польшу.

Ф.Лукиянов: Да, ну понятно, конечно, любимый наш партнёр. Так вот он сказал в интервью, что он постоянно беседует с генералом Пилсудским, обсуждает с ним вопросы, в том числе отношений с Россией. А Вы вот – с Пушкиным. Как-то не гармонирует.

В.Путин: Вы знаете, Пилсудский был такой личностью, он враждебно относился к России и так далее, и, мне кажется, под его руководством и руководствуясь его идеями Польша наделала очень много ошибок перед Второй мировой войной. Ведь Германия предлагала им мирно решить вопрос по Данцигу и по Данцигскому коридору – польское руководство того времени категорически отказалось и в конце концов пало первой жертвой нацистской агрессии.

И полностью отказалась вот ещё от чего – но историки, наверняка, это знают, – Польша тогда отказалась от того, чтобы Советский Союз помог Чехословакии. Советский Союз готов был это делать, у нас в архивах документы лежат, я это всё читал лично. Когда ноты писали в Польшу, Польша сказала, что ни в коем случае не пропустит российские войска на помощь Чехословакии, а если полетят советские самолёты, то Польша будет их сбивать, – в конце концов пала первой жертвой нацистской агрессии.

Если вот это сегодняшняя политическая семья высшего ранга в Польше тоже будет помнить, понимая все сложности и перипетии исторических эпох разного рода, будет иметь в виду, советуясь с Пилсудским, и учтёт эти ошибки, тогда это на самом деле неплохо.

Ф.Лукиянов: Но есть подозрение, что там немножко другой контекст у него.

Хорошо. Дальше, пожалуйста, коллеги, вопросы.

Профессор Маранди, Иран.

М.Маранди (как переведено): Спасибо за возможность задать вопрос, господин Президент. Также хочу поблагодарить «Валдай», это прекрасная конференция.

Конечно, нам всем грустно, потому что за последние два года мы увидели геноцид в Газе, страдания женщин и детей, которых мучают днём и ночью. И мы видели недавно, как Президент Трамп выступил с мирным предложением, которое было похоже на предложение о капитуляции, особенно когда Тони Блэру предложили – с его историей в этих отношениях.

Что может сделать Российская Федерация, чтобы положить конец этой грустной ситуации?

Спасибо.

В.Путин: Ситуация в Газе – это ужасное событие в истории, в современной истории человечества. И даже известно, как прозападно ориентированный Генеральный секретарь Организации Объединённых Наций господин Гутерреш сказал публично, что Газа превратилась в самое большое детское кладбище в мире. Что может быть более трагичным и печальным?

Что касается предложения Президента Трампа по Газе. Вы знаете, – наверное, будет неожиданным для Вас, – но в целом Россия его готова поддержать. Если, конечно, – мы внимательно должны посмотреть на сделанные предложения, – это приведёт к окончательной цели, о которой мы всегда говорили.

Россия всегда – начиная с 1948 года, а потом и 1974-го, когда была принята соответствующая резолюция Совета Безопасности ООН, – выступала за создание двух государств: и Израиля, и Палестинского государства. И в этом, на мой взгляд, залог окончательного решения палестино-израильского конфликта.

Действительно, насколько я знаю, я ещё так внимательно не смотрел это предложение, но там предлагается создать международный орган, который будет управлять какое-то время Палестиной, точнее, сектором Газа, и во главе её должен стоять господин Блэр. Он не известен как миротворец большой, но я его лично знаю. Больше того, я был у него в гостях, ночевал у него дома, мы с ним с утра в пижамах кофе пили и так далее. Да, да.

Ф.Лукьянов: Кофе хороший был?

В.Путин: Да, вполне.

Но я что хочу сказать? Он человек со своими взглядами, но он опытный политик. И в целом, конечно, если в мирное русло будет направлена его деятельность, его опыт, знания, то он может сыграть какую-то положительную роль.

Возникает, конечно, несколько вопросов. Первое: как долго будет работать эта международная администрация? Как и кому потом будет передана власть? Насколько я понимаю, в этом плане изложена возможность передачи власти палестинской администрации.

На мой взгляд, лучше бы вообще, конечно, всё передать под управление Президента Аббаса и сегодняшней администрации Палестины. Может быть, им сложно будет решать вопросы, связанные с безопасностью. Но, насколько я представляю, в изложении моих коллег, с которыми я сегодня разговаривал на эту тему, предусматривается возможность и передачи контроля над сектором Газа в том числе и местной милиции для обеспечения безопасности. Разве это плохо? На мой взгляд, это хорошо.

Нам нужно понять, повторяю, как долго будет управлять там международная администрация, в какие сроки предполагается передать и гражданскую власть, и вопросы, связанные с обеспечением безопасности, что очень важно. И, на мой взгляд, это точно следует поддержать.

Речь идёт о том, чтобы освободить всех заложников, которых удерживает ХАМАС, с одной стороны, и выпустить из израильских тюрем значительное количество палестинцев. Здесь тоже надо понять, о каком количестве палестинцев, кого, в какие сроки можно выпустить?

И конечно, Вы знаете, самый главный вопрос: как к этому относится сама Палестина? Вот это, точно совершенно, нужно понять. И страны региона, весь исламский мир и сама Палестина, сами палестинцы, в том числе имею в виду, конечно, и ХАМАС. Там к ХАМАС по-разному относятся, и у нас своё отношение есть, но у нас есть контакты с ХАМАС. Для нас важно, чтобы и ХАМАС тоже это поддержал, и палестинская администрация поддержала.

Но это всё вопросы, требующие своего кропотливого, внимательного исследования. В целом, если это произойдёт, это будет, конечно, очень серьёзным шагом вперёд по урегулированию конфликта. Но, повторяю, на наш взгляд, кардинально он может быть решён только при создании Палестинского государства.

Важно, конечно, и отношение к этому Израиля. Мы пока тоже этого не знаем: как Израиль это воспринял? Я не знаю даже публичных на этот счёт заявлений, просто не успел посмотреть. Но важны даже не публичные заявления, а по сути как израильское руководство к этому будет относиться, будет ли оно выполнять всё, что предложено Президентом Соединённых Штатов.

Очень много вопросов. Но в целом, если все эти позитивные вещи, о которых я сказал, будут происходить, то это, конечно, прорыв. И прорыв может быть весьма положительным.

Третий раз повторяю: создание Палестинского государства – ключевой элемент урегулирования в целом.

Ф.Лукьянов: Владимир Владимирович, а Вас не удивило пару недель назад, когда один союзник США, Израиль, нанёс удар по другому союзнику США – Катару? Или это сейчас уже нормально?

В.Путин: Удивило.

Ф.Лукьянов: А реакция Соединённых Штатов? Как Вы к ней отнеслись? То есть отсутствие её.

(В.Путин разводит руками.)

Понятно, спасибо.

Тара Рид, пожалуйста.

Т.Рид (как переведено): Здравствуйте, Президент Путин!

Для меня огромная честь задавать Вам вопрос. Хочу сначала поблагодарить, а потом будет вопрос.

Когда-то я работала на сенатора Байдена и Леона Панетту в Соединённых Штатах Америки. Я решила разоблачить коррупцию в 2020 году – и против меня начались действия, мне пришлось убежать. Маргарита Симоньян – это мой герой, она мне помогла, а также Мария Бутина. В России мне помогли. В итоге я получила, благодаря Вам, политическое убежище. Этими коллективными усилиями вы фактически спасли мою жизнь. Я была под угрозой, моя жизнь была под угрозой. Я могу сказать о России (говорит по-русски): «Люблю Россию». Россия прекрасная страна, западная пропаганда ошибалась, говоря о России.

Я люблю Москву. Люди очень тепло ко мне относятся, хорошо меня приветствуют, всё работает эффективно. И впервые я чувствую себя в безопасности, и я чувствую себя более свободной. Сейчас я работаю на Russia Today, мне нравится эта работа, мне дана творческая свобода работать в своей сфере по геополитическому анализу. Я благодарю Валдайский клуб за то, что также признали мои интеллектуальные усилия.

А вот вопрос. Я встречала и других жителей Запада, которые сюда приезжают за убежищем, приезжают в Россию и по экономическим причинам, и по причинам общих ценностей. Как Вы к этому относитесь, когда Вы видите этот поток жителей Запада, которые приезжают сюда, хотят жить в России? Будет ли им легче получить российское гражданство? Вы своим указом предоставили мне российское гражданство, что теперь для меня огромная честь и большая ответственность.

(Говорит по-русски.) Я русская. Спасибо большое.

В.Путин: Вы сказали об общих ценностях и как мы относимся к тем людям, которые приезжают к нам из западных стран, хотят здесь жить и разделяют с нами эти общие ценности? Вы знаете, в нашей политической культуре было очень много и хорошего, и спорного.

В документе, удостоверяющем личность подданного Российской империи, не было графы «национальность», не было. В советском паспорте было, а в российском – не было. А что там было? «Вероисповедание». Была общая ценность, религиозная ценность, принадлежность к восточной христианской религии – к православию, вероисповедание. Были и другие ценности, но это было определяющим: какие ценности вы разделяете?

Поэтому и сегодня для нас неважно: человек с востока, с запада, с юга, с севера. Если он разделяет наши ценности – он наш человек. Мы так к Вам и относимся, поэтому Вы и чувствуете к себе такое отношение. И я так отношусь.

Что касается административно-правовых процедур, то мы приняли соответствующие решения, которые облегчают людям, стремящимся жить, связать свою судьбу хотя бы на какие-то годы, на длительный период с Россией, облегчающие им это сделать. Снижение этих барьеров административных там предусмотрено.

Не могу сказать, что поток какой-то огромный возник. Но всё-таки это тысячи людей. По-моему, принято около двух тысяч заявлений, 1800, что ли, около полутора тысяч рассмотрено положительно. И этот поток идёт.

И действительно, но даже скорее не по политическим, а по ценностным соображениям люди приезжают, особенно из европейских стран побольше, потому что там этот гендерный терроризм, я бы так сказал, в отношении детей очень многих не устраивает – и люди ищут тихие гавани, они к нам приезжают. И, дай бог, мы будем всячески их поддерживать, насколько это возможно.

Вы ещё сказали, я записал: «Я люблю Россию, я люблю Москву», Вы сказали. У нас с Вами много общего, потому что я тоже люблю Москву. Вот из этого и будем исходить.

Ф.Лукьянов: От уроженца Санкт-Петербурга, Ленинграда это многого стоит.

В.Путин: Это революционное событие.

Ф.Лукьянов: Владимир Владимирович, в развитие немножко этого вопроса. Пару месяцев назад была действительно удивительная новость о том, что на фронте, в специальной военной операции, на Донбассе погиб американский гражданин, который сражался с нашей стороны, Майкл Глосс, сын заместителя директора ЦРУ. Американец – это уже привлекает внимание, уж тем более из такой семьи.

Вы знали о нём до того, как стало известно публично?

В.Путин: Нет, я этого не знал. Узнал об этом, когда поступил проект указа о его награждении орденом Мужества. И, честно, не скрою, меня это самого немало удивило.

Действительно, выяснилось, что у него непростые родители. Мама – действующий замдиректора Центрального разведывательного управления США, а отец – ветеран военно-морских сил и, по-моему, возглавляет одну из крупнейших компаний-подрядчиков Пентагона. Это, конечно, не рядовая семья. Повторяю ещё раз: я об этом ничего не знал.

Но, кстати, – вот сейчас коллега выступала, рассказывала о своих взглядах и почему она здесь оказалась, – и Майкл Глосс тоже оказался здесь поэтому. Он ведь что сделал? Родители не знали, куда он уехал. Он сказал, что уехал путешествовать, потом приехал в Турцию, из Турции перебрался в Москву и пришёл в военкомат и сказал, что он разделяет те ценности, которые защищает Россия.

Я не шучу, это же всё записано. Права человека, права человека на свой язык, на религию и так далее. Он за права человека, и Россия за это борется, и он готов и хочет бороться за эти ценности с оружием в руках. Он прошёл специальную подготовку и был зачислен не просто в Вооружённые Силы, а в элитное подразделение российских Вооружённых Сил – в Воздушно-десантные войска.

Они все, по сути, штурмовики. И он воевал на переднем крае. Воевал достойно, получил тяжёлое ранение – в БТР влетел снаряд. Он получил тяжёлое ранение вместе с другим своим боевым товарищем – с русским. Третий российский товарищ вытащил их из горящего бронетранспортёра, сам получил 25 процентов ожога тела кожи. Вытащил их, оттащил в лесополосу.

И представляете, этот парень, молодой парень, 22 года, по-моему, было, сам, истекая кровью, пытался оказывать помощь своему русскому товарищу по оружию, второму раненому. К сожалению, их заметил украинский дрон, сбросил на них мину – и оба погибли.

Считаю, что такие люди составляют ядро организации MAGA, которая поддерживает нынешнего Президента Трампа. Почему? Потому что они за эти ценности, как и он, и выступают. Они – вот такие. И он – вот такой оказался.

И как там в гимне поётся: «США – страна храбрых», да? Он храбрый человек, реально доказал это своим поведением, своей жизнью. В принципе, значительная часть, во всяком случае, граждан Соединённых Штатов может гордиться таким парнем, каким был тот гражданин США, о котором мы сейчас говорим.

Я передал этот орден господину Уиткоффу. Причём когда передавал, я попросил приехать, и приехали боевые товарищи Майкла, приехал командующий ВДВ, приехал командир бригады, приехал командир роты, в которой он служил, и непосредственно тот военнослужащий, который вытаскивал его из горящей бронемшины и который сам, как я сказал, получил тяжёлое ранение, по сути, можно сказать, 25 процентов ожога кожи. Кстати, он поправился и опять уехал на фронт. Такие у нас ребята.

Совсем недавно, по инициативе руководства Донецкой Народной Республики, одной из школ Донбасса присвоили имя и американца, и русского солдата, который погиб вместе с ним. Присвоили имя школе с углублённым изучением английского языка. Мы, конечно, там всё сделаем, чтобы она была в хорошем состоянии, так же, как, конечно, и все остальные школы Донбасса – мы уделим этому тоже должное внимание.

Вот такой был Майкл Глосс. Повторяю ещё раз: и его семья, и страна – те, кто поддерживает его взгляды, конечно, могут им гордиться.

И в целом, – я сейчас говорил о людях разных национальностей, которые считают себя русским солдатом, – вот он, хоть и американец, он был русским солдатом.

Ф.Лукьянов: Спасибо.

Антон Хлопков, пожалуйста.

А.Хлопков: Владимир Владимирович, можно продолжить американскую тему?

В.Путин: Да.

А.Хлопков: Вы упоминали о попытках «вышибить» Россию из мировой системы. Я бы добавил: с мировых рынков. В последние недели все активнее звучат призывы со стороны Вашингтона к Китаю, к Индии и к другим странам, и оказывается давление, чтобы эти страны отказались от закупки российского сырья и энергоресурсов.

При этом Вы также говорили о важности объединения, а не разъединения усилий, в том числе об опыте взаимодействия России и США, и необходимости восстановления полноформатных отношений.

На этой неделе, к удивлению многих аналитиков и наблюдателей, кто на ежедневной основе не занимается атомной энергетикой, была опубликована статистика, согласно которой Россия остается крупнейшим поставщиком обогащенного урана для ядерного топлива в Соединенные Штаты.

Учитывая нынешний формат и уровень двусторонних российско-американских отношений в политической сфере, как Вы оцениваете перспективы взаимодействия России и США в этой области, в поставках обогащенного урана, и в атомной энергетике в целом?

Спасибо.

В.Путин: Я скажу, конечно, и по поводу этих возможных тарифных ограничений на торговлю Соединенных Штатов с нашими партнерами торговыми – с КНР, с Индией, с некоторыми другими государствами.

Мы знаем, что там есть советники в Администрации [США], которые полагают, что это правильная экономическая политика. Есть эксперты в тех же Штатах, которые сомневаются, и у нас многие сомневаются в том, что это принесет хороший результат.

В чем проблема? А она, безусловно, есть. Допустим, будут введены какие-то повышенные тарифы на товары тех стран, с которыми Россия торгует энергоносителями, нефтью, газом и так далее. К чему это приведет? Это приведет к тому, что товаров – скажем, китайских товаров – станет меньше, и тогда вырастут цены на эти товары на рынке США, или эти китайские товары будут поступать через третьи, четвертые страны, и тогда тоже вырастут цены, потому что возникнет их дефицит и логистика будет дороже. А если это произойдет, цены будут подниматься, то тогда ФРС вынуждена будет держать высокую ставку или поднимать ставку, чтобы сдержать инфляцию, и тогда это приведет к торможению экономики самих США.

Здесь нет никакой политики, это чисто экономический расчет. И у нас многие наши специалисты считают, что так и будет. То же самое касается и Индии и товаров, которые производятся в Индии. Все то же самое, разницы никакой, что в отношении китайских товаров.

То есть для самих США выигрыш не очень очевидным является. Для тех стран, в отношении которых эта угроза была сформулирована, скажем, для той же Индии: откажется Индия от наших энергоносителей – тогда она понесет определенный ущерб, и по-разному его считают. Некоторые говорят, что это будет до 9–10 миллиардов долларов, если откажется. А если не откажется, то будут тогда введены санкции в виде этих высоких пошлин – и тоже будет ущерб. Какой он будет? Такой же. Тогда зачем отказываться, если нести еще и огромные внутривнутриполитические издержки? Потому что, конечно, народ такой страны, как Индия, внимательным образом, поверьте мне, будет следить за принимаемым политическим руководством решением и никогда не допустит никакого унижения перед кем бы то ни было. Ну и потом, уж я знаю Премьер-министра Моди, он сам никогда не пойдет ни на какие шаги подобного рода. Поэтому экономического смысла нет.

Что касается, скажем, урана. Это, по сути, что такое? Уран в данном случае – это топливо, это тоже энергетический ресурс для атомных электростанций. В этом смысле ничем не отличается от нефти, газа, топочного мазута или угля, потому что это тоже энергоноситель, который дает электрический ток. Какая разница? Да никакой. И Соединенные Штаты у нас действительно уран покупают.

Вот Вы спросили: а почему же Соединенные Штаты сами покупают, а другим покупать наши энергоносители вроде стараются запретить? Ответ простой и дан еще нам с Вами в латинскую эпоху. Все хорошо знают фразу: то, что позволено Юпитеру, не позволено быку. Вот что это такое значит.

Но ни Китай, ни Индия, даже если иметь в виду, что в Индии коровы – это священные животные, быками быть не хотят. Есть такие политические деятели, прежде всего, в Европе, которые готовы быть и быком, и козой, и бараном, такие есть, не будем показывать пальцем. Но это уж точно не про Китай и не про Индию, не про другие крупные государства, да и средние, мелкие государства, небольшие. Не про те, кто уважает себя и не позволит себя унижать.

А что касается торговли ураном – да, эта торговля продолжается. Соединенные Штаты являются одной из крупнейших, если не сказать самой крупной державой по производству, по генерации энергии с помощью атомных электростанций. Я уже не помню, сколько там, по-моему, 54 электростанции примерно и около 90 блоков. Но в общей структуре, энергоструктуре, по-моему, 18,7 процента дает атомная энергетика. Мы производим меньше, блоков у нас поменьше, но в нашей структуре энергетики это примерно столько же – 18,5 процента. Но поскольку атомная энергетика хорошо развита в США, то, конечно, требует и большого количества топлива.

Мы не являемся самым крупным поставщиком. (Обращаясь к А.Хлопкову.) Вы сказали, что являемся крупнейшим, – это не так. Самым крупным поставщиком является – я уж не помню, как она там называется, – американо-европейская компания, она поставляет на американский рынок примерно 60 процентов ядерного топлива, урана. Но Россия является вторым по величине поставщиком урана на американский рынок, примерно 25 процентов мы поставляем.

В прошлом году, я уже не помню в абсолютных величинах, даже в процентах, но помню, сколько мы заработали, это было около 800 миллионов долларов, где-то 750–760 миллионов долларов. За первое полугодие текущего года мы продали в США урана более чем на 800 миллионов долларов, и думаю, что по результатам 2025 года это будет свыше миллиарда долларов – 1 миллиард 200 миллионов долларов.

Примерно представляем себе по поступающим заявкам, сколько будет в следующем году, сейчас уже просматривается где-то свыше 800 миллионов долларов. Поэтому эта работа продолжается. Почему? А потому что выгодно. Американцы покупают наш уран, потому что выгодно. И правильно делают, мы готовы продолжать эти поставки стабильно и надежно.

Ф.Лукиянов: Я записал, что нам на следующей Валдайский клуб нужна секция по животноводству – про баранов, быков обсудить.

В.Путин: Это важный вопрос. Почему? Потому что, если абстрагироваться от двойного смысла, который, конечно, все уловили, а оставаться на повестке дня, связанной с энергоносителями, то, скажем, отказ от российского газа в Европе привел к тому, что цены выросли, а производство минеральных удобрений на основе этого газа в Европе стало нерентабельным, и предприятия начали закрываться.

Цена удобрений выросла, что повлияло на сельское хозяйство, цена продуктов питания выросла, что повлияло на платежеспособность населения. Вот поэтому люди и выходят на улицу.

Ф.Лукиянов: Владимир Владимирович, в теме ядерной на секунду останемся. Сейчас очень много, буквально последнюю неделю, пишут о ситуации вокруг Запорожской АЭС, что там, якобы, уже угроза какой-то очень крупной аварии, которая ударит по всем областям вокруг. Что там происходит?

В.Путин: Происходит все, что происходило до сих пор. Боевики с украинской стороны пытаются наносить удары по окружению атомной электростанции. Слава богу, дело не доходит до ударов по самой атомной электростанции. Было несколько ударов по учебному, по-моему, так он называется, учебному центру.

Несколько дней назад, как раз перед приездом к нам, в Россию, господина Гросси, был нанесен удар, причем артиллерийский удар, по вышкам электроснабжения, они упали, и сейчас запитка электричеством Запорожской атомной электростанции осуществляется с помощью генераторов, надежно осуществляется. Но вопрос в том, чтобы привести в порядок эти сети. А сложность в том, что это, как вы поняли, находится в зоне досягаемости украинской артиллерии, они бьют по этим местам и фактически не дают подойти туда нашим ремонтным бригадам. При этом все то же самое рассказывают, что мы это делаем. Но господин Гросси был, там же присутствуют сотрудники МАГАТЭ, они помалкивают, стесняясь на самом деле происходящих процессов, но все видят. Они же все видят, что происходит. Что ж мы, сами по себе наносим удары что ли? Это же понятно, что это чужь.

Это опасная игра. И на той стороне люди тоже должны понимать, если они будут с этим играть вот так опасно, у них есть еще работающая атомная электростанция на их стороне. И что нам мешает отвечать зеркально? Пусть задумываются над этим. Это первое.

Второе. На станции в украинские времена работало где-то около 10 тысяч человек. Но это еще такой советский подход, потому что на станции висела вся «социалка» и прочее. Сейчас на станции работает свыше 4,5 тысячи человек, и только, по-моему, 250 приехали из других регионов России. Все остальные – это те люди, которые здесь всегда работали, всегда. Какое-то количество людей уехало. Их никто не выгонял, и никто насильно не держал и не держит. Люди просто сами захотели остаться и так же, как наша коллега [Тара Рид], приняли российское гражданство, живут там, как жили, и работают, как работали. И все это происходит на глазах у функционирующих там наблюдателей Международного энергетического атомного агентства, МАГАТЭ, они там присутствуют на станции, все это видят.

Вот ситуация, которая там складывается. В целом она под контролем. Мы стараемся и проводим там мероприятия, связанные с физической защитой и самой станции, и отработанного топлива. Вот такая ситуация. Она непростая.

К этому можно только добавить, что диверсионно-разведывательные группы ВСУ, они и в прежние месяцы, даже и в прошлом году, предпринимали неоднократные попытки и делали это – подрывали линии высоковольтных электропередач на Курской атомной электростанции, на Смоленской атомной электростанции, пробирались туда лесами и подрывали их. Но наши специалисты очень быстро это восстанавливали.

То, что сейчас происходит на Запорожской атомной электростанции, ничем не отличается от действий вот этих разведывательно-диверсионных, а по сути террористических групп. Это очень опасная практика, и лучше бы ее прекратить. Надеюсь, это как-то «дойдет» до тех, кто этим занимается.

Ф.Лукиянов: То есть Гросси знает, что там происходит?

В.Путин: Знает прекрасно. Они там сидят же, на станции, видят: снаряд прилетел и упал. Ну что же, мы забрались на украинскую сторону и оттуда сами себе нанесли удар? Это смешно и лишено всякого здравого смысла.

Ф.Лукиянов: Спасибо.

Габор Штир, пожалуйста.

Г.Штир: Спасибо, Владимир Владимирович, за то, что разделяете с нами ваше российское мнение и Ваше мнение о мире, о будущем миропорядка и сегодняшнем миропорядке.

Я из Венгрии, из страны, которую часто сегодня называют «черной бараниной Евросоюза». В последние дни занимались здесь, на «Валдае», вопросами о том, что происходит в мире, тем, готов ли Запад на переустройство и какое место занимает в новом мировом порядке? И, между прочим, говорили о печальном состоянии Евросоюза, Европы.

Я так думаю, и многие у нас думают, в Венгрии, и задают вопрос: что будет с Евросоюзом? Потому что совсем не ясно, остается этот Евросоюз или вообще это будущее неясно? И многие думают, что последним гвоздем в «гроб» Евросоюза будет интеграция Украины.

Как Вы думаете, разделяете это мнение, что Евросоюз сегодня в очень глубоком кризисе? И какое Ваше отношение к этой ситуации?

И если уже говорил о том, что станет ли членом Евросоюза Украина – Вы недавно говорили о том, что Россия не против этого. Многие у нас это не понимают, потому что... Я, с одной стороны, понимаю, что, если Украина станет членом, тогда Евросоюз слабеет. Конечно, это выгодно многим. Но если Евросоюз или Европа будет слишком слабая, тогда это риск, это опасность для Евразийского пространства. Это одно.

Второе. Евросоюз в последнее время все больше и больше похож на НАТО. И если смотрим на то, как относятся к украинскому кризису, это очень видно. И я так вижу: кулаком Запада, кулаком Евросоюза, армией Евросоюза будет Украина. И тогда, если [она] станет членом Евросоюза, то это уже угрожает даже и России.

Что Вы думаете об этом?

В.Путин: Во-первых, Евросоюз, конечно, изначально, со времен его отцов-основателей, со времен создания Сообщества угля и стали, как мы помним, потом дальше и дальше, развивался, прежде всего, как экономическое сообщество.

Я уже говорил публично, но не могу отказать себе в удовольствии не вспомнить об этом еще раз. В 1993 году в Гамбурге я был вместе с тогдашним мэром Петербурга Собчаком, у него была встреча и беседа с тогдашним Канцлером Коелем, и Коель говорил, что, если Европа хочет сохраниться в качестве самостоятельного, одного из самостоятельных центров мировой цивилизации, то она обязательно должна быть с Россией, а Россия должна быть обязательно с Евросоюзом, с Европой, они будут очень мощно дополнять друг друга, тем более что одна основа-то, по сути, связанная с традиционными ценностями, тогда они были еще в почете в Европе.

И что можно сказать про сегодняшний день? Это просто моя оценка общая. Я уже высказался здесь и сейчас, Пушкина вспомнил. Но если совсем по-серьёзному, конечно, это очень мощное объединение с большим, огромным потенциалом, это мощный цивилизационный центр. Но затухающий центр. Это, мне кажется, очевидная вещь.

И дело даже не в том, что в локомотиве европейской экономики, в Германии, мы наблюдаем стагнацию – не первый год, и на следующий год вроде тоже стагнация намечается. И дело не в том, что французская экономика сталкивается с огромными проблемами, с дефицитом бюджета и с растущим долгом. А

дело в том, что эти фундаментальные вещи, связанные с идентичностью европейской, исчезают. Вот в чем все

дело. Размыв такой происходит изнутри, неконтролируемая миграция разъедает его изнутри.

Я сейчас не буду вдаваться [в детали], вам это лучше известно, чем мне. Европа должна быть чем-то – квазигосударственным образованием? Или это «Европа наций», Европа – самостоятельное государство?

Это не наше дело, это внутриевропейская дискуссия. Но все равно, так или иначе, **базис-то такой ценностный должен оставаться. Если его нет, если он исчезает, то тогда и Европа, которую мы так все любили, она исчезает.**

Знаете, у нас ведь много очень либеральной публики в России из такой творческой среды, из интеллектуальной среды, и очень много есть, как у нас любят говорить и есть такое понятие – «западники». То есть те люди, которые склонны и ближе, считают, что Россия должна быть к Западу.

Но даже они в контактах со мной говорят: «Европы, которую мы так любили, её больше нет». Я сейчас не буду фамилии называть, они очень известные люди в нашей стране, реально. Это европейские интеллектуалы в полном, прямом смысле этого слова, поверьте мне. Они и живут полгода там, в Европе, вот они говорят: «Все, Европа, которую мы так любили и которой так дорожим, её больше нет».

А это что, прежде всего? Это размывание этих ценностных ориентиров и фундамента ценностного. Если это будет дальше происходить, то, конечно... Я сказал, что **это затухающий центр, – он так и будет постепенно скукоживаться и затухать. И от размывания этого ценностного базиса будут происходить и проблемы с экономикой. И лучше не будет, если так все будет происходить.**

Почему? Потому что утрачивается тогда ценностный суверенитет. А если суверенитет утрачивается, то тогда наступают и проблемы в экономике. Ну а как? Мы сейчас только что говорили, уран – а это энергоноситель, по сути, – в США можно поставлять, а газ и нефть в Европу нельзя. Почему, если это выгодно? Нельзя, потому что там какие-то у них есть соображения. Какие? Если не ориентироваться на

национальные интересы, то их можно десяток насчитать. А если ориентироваться на национальные интересы, быть суверенными, то и никаких других нет оснований от этого отказываться. Суверенитет утрачивается – и все сыпется.

Сейчас все-таки в Европе набирают обороты политические силы, которые национально ориентированы, – и во Франции, я не буду там называть, и в Германии. Венгрия во главе с Виктором Орбаном, конечно, занимает такую позицию давно. Думаю, что... Я не знаю, я не слежу за внутривнутриполитическими событиями в Венгрии, но думаю, что большинство венгров хотят оставаться венграми и будут поддерживать Орбана. Потому что, если они не хотят оставаться венграми, тогда пусть поддерживают фон дер Ляйен. Но тогда они будут все «фон дер Ляйен». Понимаете?

То есть если эти силы в Европе будут дальше набирать обороты, тогда Европа будет возрождаться. Но это зависит не от нас, а от самой Европы.

Ф.Лукиянов: Владимир Владимирович, сейчас, буквально в эти дни, история: около берегов Франции, по-моему, захвачен, как они говорят, нефтеналивной танкер. Суверенитет проявили французы. Это естественно, так или иначе, привязывают к России, хотя танкер под другим флагом. Что это, с Вашей точки зрения?

В.Путин: Это пиратство. Да, этот случай мне известен. Танкер захвачен в нейтральных водах без всякого основания. Там, видимо, искали какие-то, может быть, военные грузы, беспилотники, еще что-то такое. Ничего там этого нет, не было и быть не может. Танкер действительно под флагом третьей страны, экипаж международный.

Во-первых, я не вижу, я, честно говоря, не знаю, насколько это связано с Россией, но знаю, что такой факт имеет место. А что это такое, на самом деле? Так ли это важно для Франции? Важно. Знаете, почему? Исходя из внутривнутриполитической тяжелой ситуации для правящей во Франции верхушки, потому что у них нет никакого другого способа отвлечь внимание населения, граждан Франции от сложных, трудно решаемых проблем внутри самой Французской республики.

И поэтому очень хочется перенести, как я уже сказал в своем выступлении, напряжение на внешний контур, возбудить какие-то другие силы, другие страны, – в частности, Россию – спровоцировать нас на какие-то активные действия и сказать французам: «Французы, ко мне, сплотитесь вокруг меня, я вас поведу к победе». Как Наполеон. Вот в этом весь смысл.

Ф.Лукиянов: Вы польстили Президенту Франции.

В.Путин: Я с удовольствием это делаю. У нас с ним, на самом деле, рабочие отношения хорошие. Но это то, что сейчас происходит, именно то, что я вам сказал, я в этом тоже несколько не сомневаюсь. Я его хорошо знаю.

Ф.Лукьянов: Спасибо.

Фэн Шаолэй.

Фэн Шаолэй: Фэн Шаолэй из Центра по изучению России в Шанхае.

Уважаемый господин Президент! Очень рад Вас еще раз видеть.

Полностью согласен с Вами, с Вашей точкой зрения – должен вернуться классический дипломатический подход. Как прекрасная практика, последние полтора месяца Вы успешно совершили два очень важных официальных визита. Первый – это российско-американский саммит на Аляске, а другой – саммит ШОС и потом парад в Пекине.

Очень хотел бы узнать, какие же конкретные результаты и какое же значение этих двух очень важных визитов? И есть ли какие-то взаимовлияния и взаимосвязи, которые помогают нам идти вперед по пути нормализации международной обстановки? Большое спасибо.

В.Путин: Первое. Вы начали с визита в Соединенные Штаты, на Аляску. Мы там не говорили с Президентом Трампом практически ни о каких вопросах, даже о двусторонней повестке, говорили только о возможностях и способах урегулирования украинского кризиса. В целом это уже хорошо. На мой взгляд, Президент Трамп, мы знакомы с ним давно, он любит и эпатировать немножко, мы все это видим, во всем мире это видят, но он в принципе такой человек, который умеет слушать, как ни странно. Слушает, слышит, реагирует. То есть он в принципе такой комфортный собеседник, я бы сказал. И то, что мы предприняли попытку найти, поискать и найти возможные варианты решения украинского кризиса, – на мой взгляд, это неплохо. Это первое.

Второе. Все-таки, так или иначе, речь в этом случае шла, хоть и поверхностно, но о восстановлении российско-американских отношений, которые находятся не просто в тупике, а на самом низком уровне за все времена, который можно только припомнить.

И мне кажется, что сам факт нашей встречи, сам факт визита – и я благодарен Президенту за то, как он это организовал, – все это такие знаки, направленные на то, чтобы подумать и о восстановлении двусторонних отношений. И на мой взгляд, это хорошо для всех: и для нас в двустороннем плане, и для всего международного сообщества.

Я сейчас перехожу к моему визиту в Китай. И мы, когда разговаривали с моим другом – а я считаю, действительно, Председателя КНР господина Си Цзиньпина своим другом, у нас установились очень доверительные личные отношения, – он так и сказал: «Мы в Китае приветствуем – причем не на публику сказал, а когда мы с ним вдвоем разговаривали, – восстановление и нормализацию российско-американских отношений. Если от нас что-то зависит, будем всячески этому способствовать».

Но визит в Китайскую Народную Республику – он имел, конечно, гораздо более обширный характер. Почему? Ну, во-первых, потому что мы вместе отмечали окончание Второй мировой войны. В результате этой совместной борьбы Россия и Китай – Россия на направлении прежде всего борьбы с нацизмом, а потом вместе и борьбы с японским милитаризмом – внесли огромный вклад. Я уже говорил об этом, достаточно посмотреть на колоссальные человеческие жертвы, которые Россия и Китай принесли на алтарь этой победы. Это первое.

Второе. Это, конечно, с нашей стороны, так же как со стороны Китая, когда Председатель приехал на празднование 9 мая в России, это означает, что мы остаемся в духе этого союзничества. Вот это очень важно. Поэтому я полагаю, что в этом смысле визит в Китай носил глобальный характер, фундаментальный, и это позволило нам, конечно, на полях этих мероприятий поговорить о ситуации в мире, «сверить часы», поговорить о развитии двусторонних отношений в экономике, в гуманитарных сферах, в культурной сфере, в сфере образования.

Мы на следующий год и последующий – приняли решение объявить предстоящие года Годами образования. То есть на самом деле о чем это говорит? О том, что мы хотим, работаем и будем работать с молодыми людьми. А это взгляд в будущее. И в этом смысле, конечно, это был очень важный визит.

И потом некоторые инициативы Председателя Си Цзиньпина по глобальному управлению, например, они очень коррелируются с нашими идеями евразийской безопасности. И это было очень важно – «сверить часы» и по этим вопросам, действительно, в прямом смысле этого слова, глобального характера, двустороннего и глобального. Поэтому я высоко оцениваю результаты. И это, на мой взгляд, было еще одним хорошим шагом вперед в развитии наших отношений.

Ф.Лукьянов: Владимир Владимирович, мне кажется, Вы первый из лидеров в мире, который назвал Трампа комфортным собеседником.

Ф.Лукьянов: Владимир Владимирович, мне кажется, Вы первый из лидеров в мире, который назвал Трампа комфортным собеседником. Что угодно о нем говорят, но только не это.

В.Путин: Вы знаете, я говорю искренне. Я знаю, я же сказал, он любит как и эпатажем позаниматься, на мой взгляд, так и резко вопросы ставить. И, я в выступлении сказал, защищает свои национальные интересы так, как он их определяет. Но иногда, повторю еще раз, иногда лучше услышать прямую позицию, чем какие-то экивоки, в которых трудно разобраться.

Но я хочу повторить, это не просто так, чтобы какие-то приятные слова сказать. Мы беседовали – сколько там? – часа полтора. Я высказывал свою позицию, он меня слушал внимательно, не перебивал. Я слушал его тоже внимательно. Мы обменялись [мнениями], вопросы сложные. Я не буду [вдаваться] в детали, потому что так не принято, но он говорит: «Слушай, но вот это будет сложно сделать». Я говорю: «Да». Понимаете? Мы начали обсуждать некоторые детали. Мы обсуждали, понимаете? Вот я хочу, чтобы это было понятно: мы обсуждали. А не то, что кто-то говорил: я считаю, вы должны сделать так, а вы должны – так, а вы – «шляпу сними». Понимаете? Такого не было.

Конечно, важно, чтобы это доходило до логического завершения, до результата, это правда. Но это сложный процесс. Я и выступая об этом говорил: добиться баланса интересов, добиться консенсуса сложно. Но если мы подходим к этому и добиваемся этого в ходе дискуссии, тогда это уже такие капитальные договоренности, можно надеяться на то, что они будут работать долго.

Ф.Лукьянов: Вы ему про историю Украины что-нибудь рассказывали?

В.Путин: Нет.

Ф.Лукьянов: Хорошо.

В.Путин: Не, не смешно.

Я рассказывал другим моим американским собеседникам. Не буду скрывать: мы просто реально говорили о возможных вариантах урегулирования – говорили достаточно открыто, по-честному говорили. Чего из этого получится, я не знаю. Но мы готовы продолжать эту дискуссию.

Ф.Лукьянов: А, вообще, на Аляске встретиться чья идея была?

В.Путин: Ну, какая разница? Главное, что мы встретились.

Ф.Лукьянов: Понятно.

В.Путин: Но на Аляске нам было комфортно. Там ещё православие существует на Аляске. Там храмы православные, там люди приходят на службы в храмы, в церкви. Служба идёт на английском языке, а потом по каким-то праздничным мероприятиям, когда служба заканчивается на английском языке, батюшка, обращаясь к пастве, на русском языке говорит: «С праздником!». И все ему отвечают: «С праздником!». Это ж хорошо.

И.Тимофеев: Владимир Владимирович, Вы в своём выступлении упоминали экономические санкции против России. Действительно, их число беспрецедентно. Только что Вы говорили о православных храмах, в том числе Патриарх Кирилл у нас подвергался ограничительным мерам со стороны ряда государств.

Наша экономика выстояла, показала высокую устойчивость к санкциям. Кстати, удивлялись и удивляются и противники, и наши друзья устойчивости нашей экономики. Но с санкциями нам придется жить, скорее всего, годы и десятилетия, если не больше.

Как бы Вы оценили их влияние на нашу экономику и что необходимо сделать для того, чтобы обеспечить долгосрочную устойчивость нашей экономики, обеспечить устойчивость на долгие годы?

Спасибо.

В.Путин: Действительно, я это уже в своём выступлении сказал, что мы прошли через достаточно сложный, ответственный путь своего развития, становления, повышения уровня своей независимости и суверенитета, в данном случае экономического суверенитета, финансового суверенитета.

Мы что сделали и что произошло? Во-первых, мы в значительной степени поменяли своих основных торгово-экономических партнёров, мы выстроили по-новому логистику для работы с этими партнёрами, мы выстроили системы расчётов. И это всё работает.

Но этого, конечно, в сегодняшнем мире недостаточно. Сейчас мы должны уделить внимание решению других вопросов. И главный из них – это дальнейшая диверсификация нашей экономики. Мы должны сделать её более современной, ещё более высокотехнологичной. Мы должны изменить структуру рынка труда, структуру оплаты на этом рынке труда.

Что имею в виду? Мы должны, как я сказал, сделать её более высокотехнологичной, повысить производительность труда, а это значит, что оплату больше должны получать высококвалифицированные специалисты. Первое.

И второе. Мы должны обратить внимание на людей с небольшими доходами. Почему? Потому что это имеет не только социально-политическое значение, но и экономическое. Люди с небольшими доходами, когда больше получают доходов, они тратят деньги прежде всего на те продукты, которые производятся в самой стране, а это значит, подрастает наш внутренний рынок, что очень важно.

Мы, без всякого сомнения, должны дальше укреплять свою финансовую систему. И здесь очень важно добиться двух вещей.

Первое. Нужно укреплять и дальше макроэкономическую стабильность и понижать инфляцию, но при этом всё-таки попытаться сохранить положительные темпы экономического роста. У нас за последние два года было и 4,1 процента – темпы экономического роста, и 4,3 процента. Это гораздо выше, чем мировые значения.

Но ещё в конце прошлого года мы сказали: «Да, для того чтобы побороть инфляцию, мы должны пожертвовать такими рекордными темпами роста». И Центральный банк нам приподнял ключевую ставку, которая, безусловно, влияет на экономику в целом. Надеюсь, это не перзаморозит экономику. Но мы проведём мероприятия, связанные с вынужденным охлаждением. Пожертвуем этими темпами роста ради восстановления макроэкономических показателей, которые чрезвычайно важны для здоровья самой экономики в целом.

Известно уже о принятых Правительством решениях в сфере налогообложения, повышения НДС на два процента. И здесь очень важно, чтобы у нас не выросли объёмы и масштабы теневой экономики.

Всё это вместе является основными задачами на ближайшее время. И такие фундаментальные вещи, с которыми связана наша экономическая ситуация, а именно: и относительно небольшой долг, и относительно небольшой дефицит бюджета – он в этом году 2,6 [процента], наверное, будет, в следующем году будет 1,6 [процента]. Так, во всяком случае, мы планируем. При этом долговая нагрузка, госдолг ниже 20 процентов.

Всё это даёт нам основания полагать, что даже в случае принятого решения Правительством о повышении НДС, которое, безусловно, тоже будет отражаться на экономическом росте, – мы это понимаем, это же увеличение налоговой нагрузки на экономике будет отображаться, – но это даст возможность найти лучший баланс и Центральному банку при принятии решений по макроэкономическим вопросам, связанным с ключевой ставкой, и Правительству – по расходам бюджета, и удерживать основные параметры и создать условия для дальнейшего развития.

Вот всё это вместе, в комплексе: а) даёт нам основания полагать, что мы прошли очень сложный этап; б) даёт нам уверенность в том, что мы не только прошли этот этап, но у нас есть все основания и все возможности двигаться дальше.

Уверен, так и будет.

Ф.Лукиянов: Александр Ракович тянул руку.

А.Ракович: Глубокоуважаемый господин Президент!

Я Александр Ракович, историк из Белграда, Сербия. Мой вопрос: что Вы думаете о попытках «цветной революции» в Сербии?

Спасибо.

В.Путин: Я согласен с Президентом Вучичем, и наши специальные службы подтверждают это – некоторые западные центры предпринимают попытки организации «цветной революции», в данном случае в Сербии.

Всегда находятся люди, особенно молодые люди, которые не очень-то ориентируются в реальных проблемах, в предыстории этих проблем и в тех возможных последствиях, к которым приводят нелегитимные формы смены власти, в том числе в результате «цветных революций».

К чему привела «цветная революция» на Украине всем хорошо известно. «Цветная революция» – это неконституционный, неправовой захват власти. Вот это что такое, если говорить прямым слогом, прямым языком. Как правило, ни к чему хорошему это не приводит. Всегда лучше всего оставаться в рамках Основного закона, в рамках Конституции.

Воздействие на молодых людей – всегда самое простое. Самое простое – это действовать на сознание молодых людей. Почему я сказал о наших девушках и молодых ребятах, которые в кокошниках или с другой российской символикой появляются на публике и гордятся этим? В этом залог успеха общества, это самозащита общества от внешнего влияния, причём негативного влияния.

А молодые люди в Сербии – даже те, кто на улицы выходят, – патриоты в целом, тоже об этом не нужно забывать. Надо с ними вести диалог, и, мне кажется, Президент Вучич пытается это сделать. Но они не должны забывать, что они прежде всего патриоты.

Они никогда не должны забывать, через какие страдания прошёл сербский народ до Первой мировой войны, в ходе Первой мировой войны и после неё, и в преддверии Второй [мировой войны], и во время Второй. Сербский народ страдал. И те, кто толкает молодых людей на улицы, хочет, чтобы сербский народ и дальше страдал. Так же, как некоторые хотят, чтобы страдал народ российский, и прямо об этом говорят. В Сербии сейчас, может быть, про это прямо не говорят те, кто толкает людей на улицы, но думаю наверняка именно об этом.

Эти посулы, согласно которым сейчас вы пойдёте, сейчас кого-то свергните, а дальше всем будет хорошо. Но никто никогда не говорит: как хорошо, как быстро хорошо и за счёт чего вдруг станет все хорошо? Этого те, кто провоцирует подобные события, никогда не говорят. И, как правило, это всё приводит к обратному результату, к обратному тому, чего ожидают те, кто это организует.

Мне кажется, что, если вести нормальный диалог с этими молодыми людьми, всё-таки можно с ними договариваться. Потому что они прежде всего патриоты и они должны понять, что лучше для их страны: такие революционные преобразования либо эволюционные изменения – с их участием, с их участием, конечно.

Но это, извините, всё-таки не наше дело – это всё-таки внутреннее дело самой Сербии.

Ф.Лукиянов: А у Вас с Президентом Вучичем сейчас хорошие отношения? Звучали некоторые претензии к сербским коллегам.

В.Путин: У меня со всеми хорошие отношения, и с Вучичем тоже.

Ф.Лукиянов: Адиль Каукинов.

А.Каукинов: Здравствуй, Владимир Владимирович!

Меня зовут Адиль Каукинов, я докторант Пекинского университета языка и культуры. Я предлагаю ещё раз вернуться к теме Вашего визита в Китай.

Сейчас большое обсуждение большой новости о том, что Китай ввёл безвизовый режим для российских граждан. Кстати говоря, даже в Пекине уже это ощутимо, видна эта новая волна.

Как Вы оцениваете данное событие? Готова ли Россия к введению ответной подобной меры уже для китайских граждан по въезду в Россию? И какой эффект Вы от этого всего ожидаете?

Спасибо большое.

В.Путин: Что касается наших ответных шагов, я уже и в Пекине об этом сказал, мы всё сделаем зеркально. Честно говоря, недавно совсем разговаривал с нашим Министром иностранных дел, он говорит: «А мы уже сделали». А потом говорит: «Не, я сейчас должен проверить». Эта бюрократия, конечно, она работает соответствующим образом во всех странах. Но мы, безусловно, если пока ещё не сделали, то это сделаем.

Объявление о безвизовом въезде граждан России на территорию Китайской Народной Республики было для нас неожиданным, но это была инициатива Председателя, и это была приятная неожиданность.

А какие последствия будут? Думаю, самые положительные, потому что база межгосударственных отношений создаётся прежде всего на человеческом уровне. Количество людей, которые будут посещать Китайскую Народную Республику с разными целями – с туристическими, с научными, с образовательными – их, конечно, будет просто в разы больше, чем сейчас, на порядок будет больше, чем сейчас. И в обратную сторону тоже.

Прежде всего, конечно, речь идёт о туристах, которые будут знакомиться с жизнью Китайской Народной Республики с нашей стороны и с [жизнью] России – с китайской стороны. Но это, знаете, на самом деле вещи фундаментального характера. Мы это только приветствуем и всячески будем способствовать этому процессу.

Ф.Лукьянов: Спасибо.

Генерал Шарма.

Б.К.Шарма (как переведено): Господин Президент!

Мы ждём с нетерпением Вашего визита в Индию в декабре. Вопрос у меня такой: каков будет стратегический фокус Вашего визита в Индию? Как это углубит двусторонние отношения, а также региональное международное сотрудничество?

В.Путин: Отношения с Индией у нас носят всё-таки особый характер ещё со времён Советского Союза, с тех времен, когда индийский народ боролся за свою независимость. В Индии это помнят, знают, ценят, а мы

ценим, что в Индии об этом не забывают. И отношения у нас развиваются, у нас уже лет 15 будет нашему заявлению о нашем особом привилегированном партнёрстве стратегическом.

На самом деле так и есть. У нас с Индией никогда не было вообще никаких проблем и межгосударственных каких-то трений, вообще никогда. Премьер-министр Моди очень взвешенный, мудрый руководитель, безусловно, национально ориентированный. В Индии это хорошо все знают.

Главное сейчас нам выстроить эффективные и взаимовыгодные торгово-экономические связи. У нас сейчас торговый оборот с Индией где-то 63 миллиарда долларов. Сколько в Индии – полтора миллиарда человек, а в Белоруссии – десять [миллионов]. Но с Белоруссией 50 миллиардов долларов оборот, а с Индией – 63. Явно это не соответствует нашим потенциальным возможностям, просто абсолютно не соответствует.

И здесь нам нужно решить целый ряд задач, чтобы разблокировать наши возможности и потенциальные преимущества. Первая из них – это, конечно, нужно решить вопрос с логистикой. Вторая – нам нужно решить вопросы, связанные с финансированием, с прохождением оплаты. Здесь есть над чем работать и есть возможности, как это делать.

Это можно делать и в рамках инструментов БРИКС, это можно делать на двусторонней основе, используя рупии, используя валюту третьих стран, используя электронные формы расчётов. Но это основные вещи, о которых нужно говорить. У нас дисбаланс торгового баланса с Индией, прошу прощения за тавтологию, и мы это знаем, видим. И мы вместе с индийскими друзьями и партнёрами думаем о том, как облагородить этот товарооборот.

Я совсем недавно, буквально несколько дней назад, дал поручение, ещё одно поручение Правительству, сопредседателю межправкомиссии с нашей стороны господину Мантурову, чтобы он с коллегами из Правительства продумал все возможные варианты развития торгово-экономических связей. И сейчас Правительство России работает над этим и будет предлагать индийским нашим друзьям соответствующие совместные шаги.

Что касается политических отношений, наших контактов на международной арене, то мы практически всегда согласовываем наши действия. Обязательно слышим и имеем в виду позицию наших стран по тем или другим ключевым вопросам. Наши министерства иностранных дел очень плотно работают между собой.

И то же самое касается и гуманитарной сферы. У нас в России продолжает учиться достаточно большое количество студентов. Мы любим индийское кино, я уже говорил об этом. Мы, наверное, единственная страна в мире, кроме Индии, которая на постоянной основе, у нас канал целый есть, днём и ночью крутит индийские фильмы.

И в сфере безопасности у нас очень доверительные отношения. Мы занимаемся совместным производством некоторых очень современных перспективных видов вооружения. Это лишний раз подчёркивает то доверие, которое сложилось между нашими странами.

И я, честно говоря, тоже жду этой поездки в начале декабря, жду встречи с моим другом тоже и с нашим надёжным партнером, с Премьер-министром Моди.

Ф.Лукьянов: Спасибо.

Анатолий Ливин.

А.Ливин (как переведено): Большое спасибо, господин Президент, за то, что приехали с нами повидаться.

Недавно на Западе началась дискуссия о двух моментах потенциальной эскалации – это поставки «Томагавков» в Украину и потенциальный захват судов с российским грузом в открытом море, не только в каких-то территориальных водах.

Можете сказать Ваше отношение к тому, насколько это опасно, и как бы Россия на это ответила?

В.Путин: Это опасно. Что касается «Томагавков», то это мощное оружие. Оно, правда, уже не совсем современное, но мощное и представляющее угрозу.

Конечно, это не изменит, вообще никак не изменит соотношение на поле боя. Уже говорил: фундаментальные проблемы вооружённых сил Украины, сколько их там ни насыщай дронами, сколько ни создавай, на первый взгляд, непреодолимые линии обороны с помощью дронов, всё равно, если личного состава не будет, воевать-то некому. Понимаете?

Я говорил об изменении тактики ведения боевых действий в связи с новой техникой. Но посмотрите, что у нас по каналам телевидения показывают, как идут наши войска. Да, это требует времени – по два, по три человека, но продвигаются. РЭБ работает, подавляют, продвигаются. И здесь то же самое будет.

Были же АТАСМС, и что? Ну да, наносили определённый ущерб. В конце концов, системы ПВО России приспособились, несмотря на то, что они гиперзвуковые, начали их сбивать. Могут «Томагавки» нанести нам ущерб? Могут. Мы будем их сбивать, будем совершенствовать свою систему ПВО.

Нанесёт ли это ущерб нашим отношениям, в которых наметился какой-то свет в конце тоннеля? Конечно, нанесёт. Ну а как же? Применять «Томагавки» без прямого участия американских военнослужащих невозможно. Это будет означать абсолютно новый, качественно новый этап эскалации, в том числе в отношениях между Россией и Соединёнными Штатами.

Что касается захвата судов каких-то. Ну что же хорошего? Это пиратство. Что с пиратами делают? Уничтожают. Ну а как с пиратами выступают? Но это не значит, что завтра развернётся война по всему Мировому океану, но уровень риска столкновений, конечно, серьёзно увеличится.

Я на примере Французской Республики полагаю, считаю, так и происходит: это нагнетание обстановки, это увеличение уровня эскалации, на мой взгляд, на сегодняшний день прежде всего связано с попыткой отвлечь внимание своих граждан от нарастающих проблем внутри этих стран, которые говорят сейчас об этом или пытаются это делать. Я же говорю: ждут ответа с нашей стороны.

Это сразу меняет вектор политического внимания: «Караул! На нас нападают!» – «Кто?» – «Страшная Россия! Все должны встать в единый строй и объединиться вокруг политического руководства». Вот основная цель, и граждане этих стран должны знать, что цель в этом, их хотят обмануть, обжечь, оттащить таким способом их от протестных акций, в том числе на улицах, и одновременно подавить их гражданскую активность и самим удержаться у власти.

Но граждане этих стран должны понимать, что это рискованная игра: их толкают на путь эскалации и возможных крупных вооружённых конфликтов. Я бы этого не делал.

Ф.Лукиянов: Владимир Владимирович, Вы Европу приводит в пример как использование внешних угроз для внутренней консолидации. Но ведь в Соединенных Штатах тоже мы недавно видели громкое политическое убийство, которое воспринимается как поляризация общества, внутренний конфликт. Получается, для них тоже внешняя угроза нужна, для этого решения?

В.Путин: Вы знаете, это отвратительное злодеяние, тем более в прямом эфире, по сути дела, мы все это видели. Это действительно отвратительно выглядело, ужасно. Я прежде всего, конечно, приношу свои соболезнования семье господина Кирка и всем его близким, мы сочувствуем и сопереживаем.

Тем более что он защищал эти самые традиционные ценности, кстати говоря, которые с оружием в руках приехал защищать и Майкл Глосс, и отдал за это свою жизнь. Он отдал свою жизнь здесь в борьбе за эти ценности в качестве российского солдата, а Кирк там, в Соединённых Штатах, отдал свою жизнь, по сути, в борьбе за те же самые ценности. В чём разница? Да практически разницы никакой нет. Кстати говоря, сторонники Кирка в США должны знать, что здесь у нас, в России, есть американцы, которые также борются и также готовы отдать свои жизни за это и отдают.

То, что произошло, – это, конечно, признак глубокого раскола в обществе. В Штатах, на мой взгляд, нет необходимости нагнетать обстановку вовне, потому что политическое руководство страны пытается навести порядок внутри. И я сейчас не хочу ничего комментировать, это не наше дело, но здесь, по-моему, Штаты идут по этому пути.

Хотя то, что Вы сказали, и то, что сейчас коллега поднял вопрос о новых высокоточных системах оружия дальноточных, – да, это тоже путь к тому, чтобы как-то отвлечь внимание от внутренних проблем. Но то, что я вижу, на сегодняшний день всё-таки руководство США склонно проводить другую политику, а именно, прежде всего, сосредоточив внимание на достижении национальных целей развития – так, как они это понимают.

Ф.Лукиянов: Спасибо.

Глен Диссон тянул руку.

Г.Диссон (как переведено): Президент Путин, большое спасибо за то, что поделились своей точкой зрения.

Мой вопрос касается Финляндии и Швеции, которые присоединились к НАТО. Это меняет геополитический ландшафт Европы. И мой вопрос заключается в том, как Россия интерпретирует этот шаг, то есть это Крайний Север, и как это повлияет на ситуацию в Балтике? Особенно хотел бы [задать] вопрос, каким образом Россия может ответить на задержание своего флота?

В.Путин: Что касается флота, то я сказал, что это может привести к конфликтам. Сейчас не хотелось бы вдаваться в детали и давать пищу для тех, кто ждёт от нас резкой реакции. Сейчас я скажу: мы будем то делать, это. Скажут: ага, Россия угрожает, мы давно об этом говорили. И вот начнётся. И начнётся именно то, ради чего это делается. Начнётся отвлечение внимания от внутренних проблем и усиление фактора внешней опасности.

Конечно, мы будем реагировать. Не мы же чей-то флот там задерживаем, а нам пытаются в чём-то помешать. Но, говорят, введено в обиход понятие «теневой флот». А что такое «теневой флот», вы можете сказать? А кто-то здесь может сказать? Уверен, что нет, потому что нет такого понятия в международном морском праве, его не существует. Значит, это неправомерные действия. И вот те, кто это пытается делать, должны об этом помнить. Первое.

Второе, или, вернее, первое, в Вашем вопросе – это вступление Финляндии и Швеции в НАТО. Но это глупость. У нас ведь не было никаких проблем ни со Швецией, а тем более с Финляндией, вообще никаких проблем. Вы знаете, в Хельсинки можно было свободно в центральных магазинах покупать всё за рубли, даже три года назад свободно люди заходили в Хельсинки, вынимали рубли, платили, и всё. В приграничных районах Финляндии вообще все вывески были на русском языке. С удовольствием брали на работу людей – в персонал гостиниц, в торговые центры, – брали людей, владеющих русским языком, потому что очень много было туристов, многие наши граждане покупали недвижимость там.

Ну не знаю, у какой-то националистической части этих стран могло возникнуть такое подозрение или опасение, что происходит такое тихое внедрение России. Но мир же такой, взаимозависимый. Если вам что-то не нравится, вы видите какую-то опасность в этом, примите какие-то меры экономического, административного характера, ограничьте приобретение недвижимости, передвижение. Всё можно решить. Но вступление в НАТО, в блок, который проводит агрессивную политику в отношении России, – это зачем? Охранять что? Защищать какие интересы Финляндии или Швеции? Что, Россия собиралась захватить Хельсинки, что ли, или Стокгольм? Всё, что Россия хотела, она решила со Швецией в результате Полтавского сражения.

Это было давно, никаких проблем у нас больше нет. И то, что Швецию возглавлял очень сложный человек, Карл XII, и непонятно, кем он был убит... Есть мнение, что он убит был своими, потому что всех достал бесконечными походами и попытками втравить Турцию в очередную войну с Россией. Но это всё давно прошло, это было столетия назад.

А с Финляндией в чём проблема? В чём проблема? Нет вообще никаких проблем. Всё было решено, все договоры подписаны по результатам Второй мировой войны. Для чего? Захотели поживиться в случае стратегического поражения России и что-то назад оттяпать? Опять могу показать определённый жест, но не могу этого сделать в присутствии дам.

Послушайте, и Финляндия, и Швеция утратили преимущества нейтрального статуса. Вот те же переговоры по возможному урегулированию на Украине. Хельсинкский акт почему когда-то возник? Почему называется Хельсинкский? Потому что нейтральной была страна, там было комфортно всем встречаться. А сейчас кто в Хельсинки поедет?

Вот господин Стубб, Дональд говорит, хорошо играет в гольф. Это хорошо. Но этого недостаточно. (Смех в зале.) Я ничего не хочу плохого сказать, я сам люблю спорт. Но этого недостаточно. Где перспектива-то? Кто-то может ответить, в чём преимущество? Хотя что-то назовите. Я сказал, что, может быть, возникло у националистической части общества Финляндии тоже опасение, что тихой сапой Россия залезает в Финляндию. Ну введите ограничения административного, правового характера. Почему не сделать-то?

У меня очень добрые были всегда отношения с предыдущими руководителями: мы приезжали, они к нам приезжали, всё время обсуждали какие-то вопросы: приграничные, такие, сякие, движение транспорта. Комфортно всё было.

Зачем? В силу того что Россия проводит агрессивную политику, напала на Украину. Ага, а то, что госпереговоры совершили на Украине, это в расчёт не берётся? А то, что начиная с 2014 года убивали детей на Донбассе, это вообще как, нормально? Когда танки и самолёты применяли против мирного населения и били по городам? Всё же документально, всё же во всех съёмках есть. Это как, нормально? Просто не было желания проанализировать ничего, а было желание быть в одной шайке, которая пытается у России что-то оттяпать. Ну и что?

Мне прежний президент сказал – мы по телефону разговаривали, у нас добрые с ним отношения были, мы в хоккей вместе играли неоднократно, – он говорит: Норвегия же в НАТО, и ничего. И ничего – хорошего.

Мы договаривались с ними, по морю с НАТО договорились и так далее, нормальные отношения. Но теперь граница между Россией и НАТО стала больше. Ну и что? У нас не было никаких вооружённых сил в этой части России – теперь будут. Мы вынуждены создавать отдельный военный округ. Нам из Финляндии говорили: мы не допустим появления какого-то опасного для России оружия, тем более атомного оружия. Извините, простите за моветон, а фиг его знает. Мы же знаем, как решения в НАТО принимаются. Кто их спрашивать-то будет, финнов? Знаете, я не хочу никого обидеть, но я знаю, как принимаются решения. Поставят, и всё. И чего? В лунку попал, не попал? Вот, пожалуйста, «Першинг». Вот будешь отвечать за это, поэтому поставим там такие-то комплексы и ещё чего-то сделаем. И чего? Зачем?

Сейчас говорят о полётах наших самолётов, которые не включают транспондеры над Балтийским морем. Я обращал внимание, когда в Финляндию, в Хельсинки, приезжал, на то, что летают натовские самолёты без транспондеров. И тогда финский президент сказал: давайте договоримся, чтобы все включали транспондеры. Мы согласны, Россия согласна. Что ответили страны НАТО? «Не будем». Не будем? Ладно, и мы летаем тогда без транспондеров.

Это просто нагнетание ещё в одном регионе мира. И так под угрозу ставится стабильность, в том числе военно-стратегическая стабильность в этих регионах. Там появится опасность для нас – мы поставим тоже, чтобы было опасно для тех, кто там поставил. Зачем? Кто выиграет от этого? Как-то увеличилась от этого безопасность Финляндии или Швеции? Нет, конечно, ничего.

Так что... Мы будем работать, конечно, нормально. Если захотят как-то выстраивать и восстанавливать отношения – мы не против, мы согласны. Но ситуация, конечно, поменялась. Ложечки нашлись, а осадочек остался.

Ф.Лукьянов: Владимир Владимирович, а зачем Вы в Данию столько дронов посылаете?

В.Путин: Не буду больше. Не буду больше ни во Францию, ни в Данию, ни в Копенгаген. Куда ещё долетают?

Ф.Лукьянов: Да везде долетают.

В.Путин: Лиссабон. Куда они летают?

Вы знаете, там развлекаются люди, которые когда-то развлекались по поводу неопознанных летающих объектов – НЛО. Там столько чудаков, как и у нас, кстати говоря. Ничем не отличается, особенно молодые люди. Там они сейчас будут запускать вам каждый день, каждый день божий. Вот и пусть ловят там всё это.

Как вы понимаете, если серьёзно говорить, у нас и дронов-то нет, которые до Лиссабона долетают. Есть определённой и большой дальности, но целей там нет, что самое-то главное, вот в чём дело.

Но это тоже один из способов нагнетания обстановки в целом, чтобы выполнить указания «вашингтонского обкома» и повысить расходы на оборону, повысить расходы на оборону.

Хотя ситуация в экономике Европы, как мы сейчас говорили, непростая. Я уже не говорю про Германию и Францию. Они, прежде всего Германия, были недавно локомотивами европейской экономики. И как бы, кстати, Польша ни хотела, она таким локомотивом не станет. Она хочет быть одним из лидеров Евросоюза, мы это видим. Но это сложно, очень сложная для неё задача в ближайшей исторической перспективе. А эти страны утрачивают это качество и в связи со стагнацией ведущих экономик, и в связи с тем, что у них дефицит бюджета большой слишком, в разы больше, чем у нас, и другие показатели макроэкономические сложные. У нас, я сказал, 2,6, а там, в разы: в четыре, где-то в шесть и так далее. Чтобы отвлечь внимание от этих сущностных, глубинных проблем, эта истерия и нагнетается.

Ф.Лукьянов: Но сейчас вот Португалию напугали, Лиссабон упомянули. Там с чувством юмора не очень. В общем, шутка это была, если что, шутка.

В.Путин: Нет, какая же шутка?

Ф.Лукьянов: Нет?

В.Путин: Нет.

Ф.Лукьянов: А, тогда извините. Тогда предупредили, это тоже честно, по-джентльменски.

В.Путин: Предупреждён – значит вооружён.

Может, я? А то это недемократично.

Ф.Лукьянов: Да, пожалуйста.

В.Путин: Девушка, в светлой блузочке.

Вопрос: Владимир Владимирович, немножко об агрессии и мировом большинстве.

Вы несколько раз сегодня вспоминали о том, как БРИКС создавался, и о том, что происходит и чего добивается это объединение. Вы знаете, до сих пор слышишь от наших западных экспертов, коллег, что БРИКС – это агрессивная сущность. Хотя мы и каждая из стран отдельно говорим о том, что наша повестка позитивная и своими действиями доказываем обратное, но тем не менее.

И до сих пор вспоминают Казань, вспоминают о том, насколько смогли оказаться сами в изоляции наши европейские коллеги, говоря о том, что Россия в изоляции.

Много важных инициатив. Отдельно очень хочу Вас поблагодарить за Вашу личную поддержку. Мы в прошлом году запустили Гражданский совет БРИКС. Это действительно такой серьёзный очень момент. Так вот как сделать так, чтобы БРИКС не потерял темпы – он стал в два раза больше, партнёры – и оправдал то доверие, которое в него все вкладывают до сих пор, мировое большинство?

Спасибо.

В.Путин: Вопрос риторический. БРИКС разрастается. Это и хорошо, и проблемы возникают. Вы правильно сейчас обратили на это внимание, потому что чем больше участников, тем больше интересов, мнений, согласовать общую позицию становится сложнее, но другого пути нет. Есть только один путь –

согласование, поиск общих интересов и общая работа по этому направлению. В целом нам пока это удавалось.

Перед БРИКС стоит много задач. Одна из них, как мы считаем, – это не просто создать общую платформу, общие принципы взаимодействия, в том числе и прежде всего в экономике. Мы, кстати – я уже говорил и здесь, выступая, – не выстраиваем политику против кого-то, вся политика БРИКС направлена на себя, на членов этой организации.

Мы же не проводим какие-то антидолларовые кампании, антидолларовые политики. Нет совсем. Что касается нас, нам просто не дают рассчитывать в долларах, и всё. А что мы должны делать-то? Мы рассчитываемся в национальных валютах. Мы сейчас будем делать то же, что делают во многих других странах, в том числе в Штатах. Будем вести дело к расширению возможностей электронной торговли и электронных расчётов.

Мы будем развивать и в рамках БРИКС, мы пытаемся это сейчас сделать, продвигаем эту идею новой инвестиционной платформы, где, на мой взгляд, нас может ждать успех. Потому что, если мы будем так же, как я только что сказал, использовать современные технологии, в том числе в системе расчётов, то мы можем создать абсолютно уникальную систему, которая будет работать с минимальными рисками и практически в отсутствие инфляции. Нужно только продумывать будет те проекты, которые будут взаимовыгодны всем участникам этого процесса. Но прежде всего тем, где будут осуществляться эти проекты.

Мы хотим это делать прежде всего на быстро растущих рынках Африки, Южной Азии, а они будут, безусловно, быстро расти. Они и сейчас быстро растут, а темпы будут только увеличиваться. Вот на сегодняшний день, если взять мировой ВВП, то БРИКС – это 40 процентов мирового ВВП. А страны Европейского союза – уже 23, а Северная Америка – 20. И темп-то этот нарастает. Посмотрите долю стран «семёрки» 10 или 15 лет назад и сейчас. И тенденция продолжается.

А мы что хотим? Мы хотим встроиться в эту тенденцию развития и всем вместе, в том числе с основными странами БРИКС, работать на этих рынках и в Африке, за которой тоже очень большое будущее.

Страны-то посмотрите там какие? Под 100 миллионов человек и больше уже, они же очень богатые. В Южной Азии, в Юго-Восточной то же самое происходит. Это огромные перспективы развития для человечества, и эти страны будут стремиться к тому, чтобы средний уровень жизни граждан этих стран рос и приближался к тем государствам, где он достаточно высокий сегодня.

Это неизбежно будет борьба за достижение этого результата, а мы хотим вписаться в эту совместную позитивную работу. Чего же здесь агрессивного? Это только немножко нервная реакция на наш успех, вот это что такое, и реакция на дальнейший рост конкуренции в мировых делах и в мировой экономике.

Пожалуйста, здесь господин поднимал руку. Пожалуйста, прошу Вас.

А.Гупта (как переведено): Большое спасибо, Ваше превосходительство!

Большое спасибо за всеобъемлющую презентацию, и я думаю, что Вы ответили на многие наши вопросы и прояснили многое. Когда мы слышим от Вас напрямую, это всё очень полезно. Большое спасибо Валдайскому клубу за предоставленную возможность.

Вы говорили про Ваш предстоящий визит в Индию и также упомянули некоторые проекты и некоторые инициативы, которые могут быть реализованы.

Я хотел бы коснуться одного момента, одной области – это возможное сотрудничество в области высоких технологий, новых технологий, которые сейчас только появляются. Я уверен, что есть потребность в особом внимании, особых инициативах, которые позволят укрепить нам это сотрудничество в области искусственного интеллекта, кибербезопасности и других областях.

Могли бы Вы предложить какие-то конкретные шаги? Например, создать индийско-российский технологический фонд, который позволит продвигать такое сотрудничество. Потому что если не будет какого-то стимула на самом высоком уровне, подобное сотрудничество будет развиваться не так быстро.

Второй вопрос. Сегодня Вы также говорили про цивилизационную культуру и важность этого. И здесь на встрече Вы лишний раз подчеркнули этот момент. Пожалуйста, не могли бы Вы более подробно рассказать, какова роль цивилизационной культуры в современной международной политике? Видите ли Вы, что сотрудничество между цивилизациями, возможно, обеспечит стабильность? Или есть возможность столкновения цивилизаций, как предсказывалось некоторыми учёными много лет назад?

Спасибо.

В.Путин: Такой непростой вопрос. Начну с того, что полегче – с искусственного интеллекта и других современных направлений развития цивилизации, возможности создания фонда.

Можно создать. Я уже сказал о том, что поручил российскому Правительству, в частности вице-премьеру, который является сопредседателем межправкомиссии с российской стороны, подумать над предложениями нашим индийским друзьям и коллегам, подумать на тему о том, где мы видим наиболее перспективные направления сотрудничества, как мы могли бы сгладить этот дисбаланс в торговле и так далее. И мы хотим это сделать. Здесь можно и большее количество продуктов сельского хозяйства покупать в Индии, и медицинских препаратов, лекарств. С нашей стороны тоже определённые шаги предпринять.

Что касается фонда и вообще взаимодействия с индийскими друзьями, есть определённые особенности, которые заключаются в том, что индийская экономика – это прежде всего чисто частная экономика и она развивается на базе частных инициатив, там нужно иметь дело даже часто не с государством, а напрямую с компаниями. А государство, собственно говоря, так же как и у нас, занимается регулированием этих отношений.

Конечно, нужно стремиться на государственном уровне создать условия для позитивного развития отношений в экономике между участниками экономической деятельности, но напрямую работать и с компаниями. Но идея в принципе хорошая по поводу того, чтобы объединять усилия на ключевых направлениях развития, в том числе и по направлению развития и использования искусственного интеллекта.

У нас есть определённые наработки, которыми мы уже можем гордиться, есть компании, которые этим занимаются и дают очень хороший результат. И здесь объединение усилий является чрезвычайно важным и сулит хороший совместный результат.

За идею Вам спасибо. Я своё поручение Правительству немножко трансформирую с учётом Ваших предложений.

Теперь по поводу цивилизации и столкновений цивилизаций, по поводу соображений некоторых специалистов на этот счёт. В целом они мне известны.

Речь, видимо, идёт об одном из американских исследователей, который исследовал проблемы и будущее цивилизаций и говорил о том, что идеологические разногласия уходят на второй план, а на поверхность выходят сущностные и фундаментальные основы цивилизации. И те противоречия, которые раньше были между государствами на идеологической основе, теперь они могут приобрести цивилизационный характер, и нас ждёт не столкновение идеологий или государств на почве идеологических противоречий, а ждёт столкновение государств и объединение на базе цивилизационных особенностей.

Знаете, если научиться просто читать, прочитаешь то, что написано, вроде как и есть в этом определённый смысл. Но я всё-таки за последние годы стараюсь анализировать, если что-то читаю. Я Вам скажу то, что я думаю на этот счёт. На мой взгляд, эти идеологические соображения, которые в прежние десятилетия были на первом плане, это всё-таки ширма была, это была ширма настоящей борьбы геополитических интересов. А геополитические интересы – это всё-таки более глубинная вещь, они ближе к цивилизационным.

Вот смотрите, Советский Союз рухнул, и российские простофили и бывшие чиновники Советского Союза думали, что вот теперь-то – и я так думал – мы одна семья цивилизационная. Сейчас мы обнимемся, расцелуемся в губы, несмотря на то что мы придерживаемся традиционных ценностей, и пойдём, общая семья народов будет там по-семейному хорошо жить.

Ни фиги подобного. Даже для меня, для бывшего сотрудника внешней разведки Советского Союза, было несколько неожиданным. Когда я стал директором ФСБ, я уже тоже говорил об этом, – мы как бы свои, а наши партнёры, как я тогда говорил, поддерживают и сепаратизм и поддерживают террористов, в том числе «Аль-Каиду» на Северном Кавказе, – и когда я им говорил: вы что делаете, вы с ума сошли, мы же свои все, буржуинские, – как в известной детской книжке писали, – нам давайте бочонок мёда, большую ложку, будем вместе сейчас чавкать, мёд кушать.

А нет, всё-таки наши тогдашние оппоненты, так уж назовем, я что увидел как директор ЦРУ (смех) будущий. Меня в своё время Буш знакомил с бумагами секретными в присутствии директора ЦРУ. А тот сказал: господин Президент, Вы ознакомились вот с этими бумагами топ-секретными, прошу расписаться, у нас такой порядок. Я говорю: ну ладно. Взял и расписался.

Я, будучи директором ФСБ, что обнаружил? Вроде как мы все теперь одинаковые, оковы прежней идеологии рухнули, а я что вижу? Прошу прощения, но прямо то же ЦРУ работает в Закавказье у нас, на Северном Кавказе и Закавказье, содержит агентуру, в том числе из числа радикалов, снабжает их деньгами, оказывает информационную, политическую поддержку, оружие даже даёт, перебрасывает их на своих вертолётах и так далее. Честно говоря, даже я, бывший сотрудник внешней разведки Советского Союза, и то, забравшись на такие высокие посты, обалдел просто, думаю: ну что же это происходит? А это вот и есть геополитическая борьба. Плевать хотели все уже на всякие идеологические разногласия. Их нет и нет. Ну и ладно. А мы должны добавить остаток Советского Союза, самую большую его часть, и сделать то, что говорил Бжезинский, – расколоть как минимум на четыре части. И некоторые крупные государства мира знают, что и в отношении них тоже вынашивались такие планы, а может быть, и до сих пор вынашиваются.

О чём это говорит? О том, что идеологические соображения, по мнению вот этого автора, – я уже забыл, как его звали, он неглупый человек, судя по всему, – они тогда были в основном ширмой, а в основе противоречий лежат всё-таки геополитические, то есть цивилизационные противоречия.

Будут ли дальнейшие столкновения? Борьба интересов всегда происходит на международной арене. Вопрос в том, насколько мы сможем выстроить таким образом нашу практическую работу, я уже сказал об этом, чтобы искать консенсус между собой, добиваться баланса интересов.

Мы с очень большим уважением относимся к древним культурам и к древним цивилизациям: к индийской цивилизации, буддийской, индуистской, китайской цивилизации, к арабской цивилизации. Российская цивилизация не такая древняя, как китайская, индийская и даже арабская, но ей тоже уже свыше тысячи лет, тоже уже у нас есть свой опыт.

Индивидуальная особенность нашей культуры заключается в том, что... Да, и в Индии, и в Китае, и в арабском мире, там тоже общества складывались постепенно, они тоже на самом деле многоэтнические. Но всё-таки у нас изначально складывалась как многоэтническая и многоконфессиональная страна. И у нас никогда не было резерваций, как говорят некоторые мои коллеги и помощники, понимаете, не было резерваций.

Когда Россия впитывала в себя какие-то другие народы, представителей других этнических и религиозных групп, всегда относились к этому с огромным уважением и относились к этому как к части

чего-то общего. Соединённые Штаты – это плавильный котёл, как известно, и там перемалываются многие представители разных религий и разных этносов, и разных стран.

Но они все там эмигранты, они отрываются от своей национальной почвы, а у нас – нет, у нас все люди – представители разных религий, народов, все на своей родной почве, но живут вместе на протяжении веков. Это особая культура и всё-таки особая цивилизация, которая у нас складывалась. И мы научились вместе жить, существовать и развиваться, и более того, понимать преимущество такого совместного развития.

И в этом смысле, мне кажется, это хороший пример, в том числе и для поиска компромиссов, балансов между всеми другими участниками международного общения и другими цивилизациями. Поэтому да, возможны какие-то противоречия, то есть неизбежны даже, но если мы встанем и пойдём по такому пути, по которому в целом шла Россия, формируя единое государство, мы и в рамках международного общения можем найти способы решения проблем.

Ф.Лукьянов: Мы уже 3,5 часа.

В.Путин: Я думаю, меня зал возненавидит, но давайте так: мы сейчас были в этой стороне зала, давайте сюда переедем. Пожалуйста.

К.Худолей: Владимир Владимирович, [Константин] Худолей, Санкт-Петербургский университет.

У меня к Вам следующий вопрос. Некоторое время назад Вы выступили, с моей точки зрения, с очень важной инициативой о продлении на год Договора о стратегических вооружениях с Соединёнными Штатами. На Западе эта инициатива в основном замалчивается. Я, может быть, излишне оптимистичен, но будем всё-таки надеяться, что здравый смысл возобладает, и на год этот договор будет продлён, Ваша инициатива будет принята.

Но возникает вопрос: что будет дальше? Будем ли дальше стремиться к тому, чтобы продлить российско-американские соглашения? Или следующая волна договоров, которая сменит, – ведь это последний договор реально существующий – должна быть уже о контроле над вооружениями в более сложной конфигурации с учётом и других полюсов современного мира?

В.Путин: Мне очень трудно, Константин, сказать, что будет дальше, потому что это же не от нас только зависит. Если американская Администрация согласится с нашим предложением, то что будет дальше в течение года – я знаю, а что будет дальше за этими рамками – трудно сказать.

Диалог непростой, мы знаем подводные камни этого диалога. Во-первых, у нас появилось много современных высокотехнологичных систем оружия. Взять тот же «Орешник». Не Орешкин, а «Орешник». Совсем недавно ещё мы показали, что подобные виды вооружения не являются стратегическими. Теперь мы слышим, некоторые эксперты в США говорят: нет, это всё-таки стратегическое оружие. Надо с этим

разобраться. Я сейчас не буду вдаваться в детали, но надо с этим разобраться. Это, конечно, требует времени.

У нас появилось другое, гиперзвуковое оружие «Кинжал» и оружие межконтинентальной дальности «Авангард». У нас могут появиться и другие системы. Мы ничего не забыли из того, что планировали, работа идёт, результаты будут. Вот это первая часть.

Вторая – это тактическое ядерное оружие. Там говорится о стратегическом, но тактическое – оно, знаете, в разы мощнее, чем то, что американцы сбросили когда-то на Японию, на Хиросиму и Нагасаки. Там 20 килотонн, что ли, а здесь в разы больше, это тактическое оружие. Здесь тоже есть свои подводные камни. Мы нигде его не размещаем, кроме Белоруссии, а у американцев по всему миру: во всей Европе, в Турции – где только нет. Но у нас его больше, это правда. С этим надо разобраться.

Есть много, с чем нужно разобраться. Мы знаем, что есть люди в Штатах, которые говорят: а нам не нужно никакого продления. Но если им не нужно, то и нам не нужно. В целом у нас всё в порядке, мы уверены в своём ядерном щите, мы знаем, что нам делать завтра, послезавтра. Не нужно – и не нужно.

Есть третий аспект – международный. Нам всё время говорят: вы уговорите Китай, чтобы тоже Китай включился в эту систему ограничения стратегических наступательных вооружений. Ну почему мы-то? Кто хочет подключить Китай, пожалуйста, договаривайтесь с Китаем. Мы-то чего?

Но у нас возникает вопрос: если Китай надо подключать к этому, но почему тогда оставить за скобками ядерный потенциал Великобритании, Франции? Они же члены НАТО, между прочим. Тем более что Франция хочет предоставить свой ядерный зонтик всей объединённой Европе. Ну как, не учитывать, что ли? То есть там много сложных вопросов, которые требуют своего кропотливого исследователя.

Но если хотят на год как бы зафиксировать статус-кво, мы готовы, мы хотим. Не хотят – ну не надо. У нас паритет есть сегодня. У американцев больше подводных лодок, но количество ядерных зарядов на этих лодках примерно одинаковое. У них больше атомных, у нас чуть поменьше атомных лодок стратегического назначения, у нас больше многоцелевых, но они тоже играют очень серьёзную роль в общем зачёте. У нас РВСН – Ракетные войска стратегического назначения – наземного базирования. Специалисты знают, что такое российские РВСН.

У нас всё в этом смысле хорошо, в том смысле, что уровень современности у нас выше, чем в любой другой ядерной стране мира. Мы просто над этим работали напряжённо и долго. И, повторю, уровень современности у нас очень высокий в войсках стратегического назначения. Но мы готовы к тому, чтобы взять паузу и вместе с нашими американскими коллегами в данном случае, не побоюсь этого слова, так оно и есть, поработать, если им представляется целесообразным. Нет – не надо. Но это вообще последнее, что в мире есть с точки зрения ограничения стратегических наступательных вооружений.

Ф.Лукиянов: Владимир Владимирович, а испытания ядерные не назрели случайно?

В.Путин: Кое-кто готовит эти испытания, мы это видим, знаем, и если они произойдут, мы сделаем то же самое.

Пожалуйста, давайте сюда.

Ф.Лукиянов: Господину Фэн Вэю дайте, пожалуйста.

В.Путин: Встал товарищ уже.

Фэнь Вэй (как переведено): Господин Президент, я из Китайского института инноваций и развития и как раз один из организаторов китайской конференции ведущей платформы международных обменов в Китае под эгидой Председателя Си.

Мы сейчас сотрудничаем с Валдайским клубом, продвигаем взаимопонимание между Россией и Китаем. Мы считаем, что это очень важно.

Отношения Россия и Китая сейчас на высшем уровне благодаря Вашим личным усилиям и Председателя Си. Нужно и дальше консолидировать основы этих отношений на уровне между простыми людьми.

Совместно с Валдайским клубом мы также организуем совместные мероприятия, в том числе и в Китае в этом году.

Господин Президент, дайте нам совет. Что мы можем сделать, чтобы мы лучше делали свою работу?

Во-вторых, скажите несколько слов аудитории конференции в Китае, чтобы там лучше понимали Россию. У вас много друзей в Китае, и они с удовольствием послушают Ваш голос. Китай – большая страна, но всё равно там ещё больше людей, которым нужно лучше понимать Россию. Какое-то личное послание от Вас очень сильно помогло бы. Не как от великого лидера, государственного деятеля, а как от брата Вашим китайским братьям и сёстрам.

В.Путин: Вы знаете, я могу только сказать моим китайским братьям и сёстрам, что мы с вами на правильном пути. Нужно так держать, нужно дорожить сложившимися между нами отношениями и делать всё, что зависит от каждого из нас, где бы мы ни находились: на каких-то вершинах власти, либо просто у станка, либо в театре, либо в кино, либо в высшем или среднем учебном заведении, – чтобы укреплять это взаимодействие. Оно в высшей степени важно как для китайского, так и российского народа.

И я вас хочу поблагодарить за всё, что вы делали до сих пор, и хочу пожелать вам успеха. Мы со своей стороны – и я, и, уверен, Председатель Си Цзиньпин – сделаем всё для того, чтобы вас поддержать.

Ф.Лукьянов: Я предлагаю дать всё-таки господину Аль-Фараджу, у которого забрали микрофон, и, может быть, уже на этом сворачиваться.

В.Путин: Давайте сворачиваться.

А.Аль-Фарадж: Рад Вас видеть, господин Президент!

В.Путин: Взаимно.

А.Аль-Фарадж: Вы говорили о многополярном мире. Этот вопрос нас очень интересует прежде всего потому, что мы экспортёры нефти и импортёры всего, что нам необходимо для потребления и развития, и особенно заинтересованы в обеспечении свободного судоходства на море и безопасности линий экспорта нашей нефти.

Поэтому мой вопрос, господин Президент: способен ли в будущем многополярный мир к обеспечению судоходства на море и безопасности энергоснабжения во всём мире с учётом того, чтобы случай с «Северным потоком» не повторился?

Спасибо.

В.Путин: Что касается обеспечения безопасности на море, я уже сказал, хочу этот тезис повторить, потому что считаю его важным. Наши оппоненты, назовём их так аккуратно, всегда призывают нас к соблюдению международного права. Мы со своей стороны призываем их к соблюдению международного права.

В международном праве нет ничего, что говорило бы о том, что можно разбойничать, пиратствовать и захватывать чужие корабли без всякого на то основания, и это может привести к тяжёлым последствиям. Но если мы будем действовать в том ключе, о котором я говорил в сегодняшнем выступлении, если многополярный мир будет бороться за интересы каждого и найдёт инструменты согласования позиций, я думаю, что до этого не дойдёт. Первое.

И второе. Очень рассчитываю на то, что общественные организации, граждане тех стран, где руководство пытается нагнетать обстановку, в том числе создавая проблемы для мировой экономики, международной логистики и международной мировой энергетики, что партии политические, общественные организации и граждане этих стран сделают всё, чтобы не позволить своим вождям довести дело до какого-то коллапса и серьёзных международных осложнений.

Но что бы ни происходило, просто убеждён в том, что международная энергетика будет работать и работать устойчиво. Потому что мировая экономика растёт, потребности в первичных энергоносителях – это касается урана для атомных электростанций, это касается нефти, газа, угля, – эта потребность будет увеличиваться, а значит, никуда не деться, международные рынки так или иначе будут потреблять эти энергоносители.

Сегодня мы говорили только об уране для атомных электростанций, но что касается нефти, перевозки нефти и так далее, транспортировки, добычи, сегодня больше всего в мире нефти добывают Соединённые Штаты, на втором месте – Саудовская Аравия и Россия. Но невозможно себе представить, что выпадение объёмов, скажем, российской нефти сохранит нормальной ситуацию в мировой энергетике, в мировой экономике. Такого не произойдёт.

Почему? Потому что если даже в дурном сне представить себе – это невозможно, но если представить себе, – что можно вывести за скобки российского производителя и российских трейдеров, которые обеспечивают значительную часть нефти на мировом рынке, если это произойдёт, цены взлетят сразу до небес, за 100 долларов всё улетит мгновенно. И разве это в интересах экономик тех стран, которые и так плохо себя чувствуют, в том числе экономик европейских стран? Об этом или никто не думает, или, понимая это, всё равно лезет на рожон.

Но что бы ни случилось, всё равно эти потребности мирового рынка в энергоносителях будут удовлетворяться, и это всё равно будет сделано, в том числе и благодаря тем людям, которые работают в этой очень важной для всего мира и для всей мировой экономической системы сфере, в том числе и благодаря таким людям, как Вы. Вам большое спасибо.

Ф.Лукьянов: Владимир Владимирович, Вы в начале своего выступления сказали одну очень важную вещь.

В.Путин: Хоть одну важную вещь, но сказал. Времени даром мы с вами сегодня не потратили.

Ф.Лукьянов: Я обратил внимание на одно, скажем корректнее: Вы сказали, говоря о мироустройстве, что запреты не работают. Так вот «Запреты не работают» – это лозунг Валдайского клуба уже 23 года. Мы здесь всегда старались не запрещать ничего, а, наоборот, стимулировать – дискуссии, споры, разговоры всякие. И будем все силы прилагать, чтобы это сохранялось. Мы очень надеемся, что этот принцип распространится на весь мир, как Вы сказали, на нашу страну, потому что у нас тоже бывает иногда желание запретить больше, чем надо, и мы, так сказать, валдайский дух пытаемся передать.

А ещё второе, что важно сегодня, я услышал и все мы услышали: мы теперь знаем, кто для вас комфортный собеседник, и это очень высокая планка. Но мы в Валдайском клубе будем стремиться к ней, чтобы Вы к нам чаще приходили и Вам было комфортно.

В.Путин: Во-первых, я хочу сказать, что у меня много комфортных собеседников. Чтобы не сложилось впечатление, что это монополия какая-то. Нет. Действительно, я говорю без шуток.

Понимаете, у нас практическая работа ведь как складывается? По-моему, уже мало стран, в которых я не был, но я почти ничего там не видел. Как работа складывается? Аэропорт, самолёт, зал для каких-то мероприятий, аэропорт, самолёт, Кремль. Опять Кремль, самолёт, поездка, возвращение. Ни фига не видишь, честно вам говорю, извините за простоту выражения. Но всегда есть кто-то, с кем ты дискутируешь, с кем ты разговариваешь.

К сожалению, очень часто всё очень запротоколировано. Этот диктат протокола, он просто выхолащивает часто само содержание этой работы. И очень редко появляются моменты, я сейчас говорю откровенно, когда с коллегой сидишь и о чём-то разговариваешь. Ну просто поговорить. Такое очень редко бывает.

С Премьером Моди у нас такие вещи бывают, с Председателем Си Цзиньпином. Он приезжал, допустим, в Петербург. Мы сели с ним, поехали на катере, передвигались из одной точки в другую, проезжаем мимо – «Аврора». Он говорит: о, это «Аврора»? Я говорю: да, хочешь заедем? Да-да, честное слово. Мы заехали. Для лидера Китая, для руководителя КПК это важно, он посмотрел на «Аврору». Потом мы пошли в Эрмитаж, посмотрели там выступления наших артистов. Мы всё время разговаривали. Это живое человеческое общение. Но это бывает очень нечасто, это редко бывает. Обычно пришёл, сел, поговорил, в чемодан собрал пожитки и улетел.

Но тем не менее людей глубоких и интересных очень много. Просто в силу каких-то совсем уж дурных обстоятельств люди не прорываются куда-то к вершинам власти, всё это люди, которые прошли через какую-то борьбу, через какие-то испытания.

У меня сейчас предстоит поездка в Таджикистан, у нас там СНГ собирается и так далее. Буду встречаться с Президентом Таджикистана господином Рахмоном. Кстати, на постсоветском пространстве много глубоких и интересных людей.

Просто как пример: после захвата власти радикальными исламистами действующий Президент Таджикистана господин Рахмон входил в столицу своей страны Душанбе с автоматом в руках. Вы понимаете? И сейчас он выстроил там ситуацию. Она тоже, наверное, непростая.

Я о чём? Конечно, с такими людьми и интересно, и полезно поговорить. И я очень рассчитываю на то, что это сообщество людей, с которыми можно разговаривать, безусловно, будет шириться, расти и найдёт способы договориться между собой по ключевым вопросам мирового развития, мировой повестки дня. А такая интеллектуальная элита, которая собралась сегодня здесь, нам будет в этом помогать.

Вам большое спасибо.

Ф.Лукиянов: Спасибо большое.